ЛЮБОВЬ
ИНТРИГА
ТАЙНА
НАТАЛЬЯ
ОРБЕНИНА
НЕВЕСТА СФИНКСА

Любовь, интрига, тайна

Наталия Орбенина

Невеста Сфинкса

«Эксмо»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Орбенина Н.

Невеста Сфинкса / Н. Орбенина — «Эксмо», 2021 — (Любовь, интрига, тайна)

ISBN 978-5-699-53024-3

В семье профессора исторических наук Викентия Соболева случилось страшное несчастье – от редкой болезни скончался единственный сын ученого. Следователь петербургской полиции Сердюков, прекрасный аналитик и сердцевед, уверен: эта смертельная инфекция имеет вполне криминальное объяснение, и ему предстоит узнать, кому помешал Петр Соболев. Под подозрение попадают многие, в том числе и мать покойного Серафима, о фантастической красоте которой говорит весь город. Странно и необычно поведение Серафимы в течение уже долгого времени. Сразу же после возвращения всей семьи из Египта жену профессора стало практически не узнать: она постоянно сидит в своей комнате, не замечая близких людей, и определенно ей есть что скрывать от следствия и от своей семьи. Иногда только в минуты полного отчаяния Серафима приходит на набережную Невы к египетским сфинксам, повторяя лишь одно слово – «Альхор». Но какое отношение вся эта мистика и древний таинственный город Альхор имеют к смерти Петра?… Ранее роман «Невеста Сфинкса» выходил под названиями «Перо фламинго» и «Иероглиф»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-53024-3

© Орбенина Н., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1 7
Глава 2 11
Глава 3 14
Глава 4 17
Глава 5 20
Глава 6 23
Глава 7 26
Глава 8 29
Глава 9 33
Глава 10 36
Глава 11 39
Глава 12 43
Глава 13 46
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Наталья Орбенина
Невеста Сфинкса

© Орбенина Н., наследники, 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

– И все-таки я полагаю, Константин Митрофанович, что смерть этого молодого человека произошла не по воле провидения, а по злому человеческому умыслу. И прав, совершенно был прав мой коллега, который от постели больного поспешил к уездному следователю сообщить о странном случае. Не пренебрег своим, так сказать, долгом. Тоже засомневался!

Доктор снял очки и протер их большим клетчатым платком. Они стояли вдвоем на кладбищенской дорожке – доктор и следователь петербургской полиции Сердюков. Неподалеку завершала свой путь печальная процессия. Пришедшие проститься с покойным молча расходились, в воздухе еще стоял запах ладана от кадильницы, которой помахивал батюшка, произнося заупокойные молитвы. Воронье, потревоженное людьми, шумно поднялось и улетело прочь с недовольным карканьем. Ветерок шевелил ветки деревьев, на дорожки и могилы падала пожелтевшая листва. Лето было на исходе.

И столь же скоротечно закончилась жизнь Петра Викентьевича Соболева, единственного сына известного петербургского профессора, историка Викентия Соболева. Болезнь, которая так быстро свела его в могилу, стала для врачей неразрешимой загадкой. Над ней бились лучшие медицинские умы Петербурга, да все без толку. Молодой человек буквально сгорел у них на глазах в ужасных мучениях.

– Не скрою, – продолжал доктор, – и ныне, несмотря на несомненный прогресс медицины, многое еще остается непознанным, но этот случай, – он удрученно покачал головой, – этот случай какой-то особенный, совершенно непонятный. Конечно, я могу отнести все происшедшее на счет неизвестной нам африканской заразы, но внутренний голос подсказывает мне, что дело тут совсем в ином. Уж больно странными были эти то ли ожоги, то ли язвы. Их происхождение вызвано явно не внутренней патологией организма, их причина лежит вне человеческого организма. Но что это? Точно не огонь. Человек не может так обжечься и не помнить, где получил ожог большей части тела. Никаких химикатов он на себя не проливал, ни с чем не соприкасался телом…

– Готов с вами согласиться, – кивнул головой его собеседник, высокий, очень худой белобрысый человек в форменном полицейском сюртуке. – Но в любом преступлении важен мотив. Зачем, кому понадобилось таким жутким образом сжить со свету безобидного молодого господина? Насколько я успел понять, семейство любящее, дружное. Странно.

Сердюков выразительно пожал плечами. По дорожке от могилы к ограде кладбища, за которой дожидались экипажи, на руках вынесли бесчувственную вдову, совсем еще юную, хрупкую, уничтоженную горем. Следом, медленно, но твердо, опираясь на руку племянника мужа, шла мать покойного, окутанная черной вуалью. Сам профессор Соболев не смог пережить потерю единственного обожаемого сына – его хватил удар, и он уже не вставал с постели. Сердюков легонько кашлянул, прикрыв рот перчаткой. Дама остановилась.

– Господин следователь, вы хотите мне что-то сказать? – Сквозь вуаль сверкнули блестящие от слез глаза.

– Мадам, примите мои искренние соболезнования. Я потрясен скорой и печальной смертью вашего сына. Но, если вы позволите мне напомнить, наш прежний разговор остался незаконченным. Собственно, именно поэтому я здесь. И я, и доктор, мы оба полагаем, что эта трагедия не является случайностью. Возможно, это преднамеренные действия.

– Другими словами, вы снова настаиваете на мысли о том, что Петеньку убили? – Она нервно сжала руки в кружевных перчатках.

– Сударь! – резко произнес молодой человек, державший женщину под руку. – Вы не находите, что сейчас не самое подходящее время для подобных разговоров!

– Прошу прощения, господа! Я лишь хотел еще раз выразить вам свои соболезнования. Прошу прощения! – Сердюков искренне прижал руку к сердцу и чуть поклонился. – Однако же, Серафима Львовна, дозвольте мне навестить вас на днях, когда вы сможете меня принять и уделить мне время для беседы.

– Что ж, извольте. Но не теперь… Прощайте!

Сердюков еще раз поклонился и снял шляпу. Молодой человек сухо кивнул и повел даму к экипажу.

– Экая бестактность! – процедил он сквозь зубы, но достаточно громко, чтобы собеседники могли расслышать его слова, и искоса посмотрел на тетку.

– Совать нос в чужие дела – его долг. А наш долг – достойно проводить Петю, – с тяжелым вздохом ответила Серафима Львовна.

– Но ведь это какая-то белиберда, глупость несусветная. Чушь собачья! Навет! Кому надо убивать Петра! Господи! Петра!

Что-то в его словах показалось матери странным, словно промелькнуло затаенное недоумение. Мол, нашли кого убивать, неужели нету на свете более достойных личностей?

Она чуть отодвинулась и приподняла вуаль, чтобы посмотреть племяннику в глаза.

– Стало быть, Лавруша, ты полагаешь, что твой кузен был таким ничтожеством, что и смерти недостоин?

– О Господи! Серафима Львовна! Опять вы за свое! Прошу вас, не надо сцен, вы расстроены, я расстроен, наговорим друг другу гадостей! К чему теперь все это?

– Иными словами, ты хочешь сказать, Лавр, что теперь, когда ты остался в нашей семье единственным, то теперь, теперь…

Она стала всхлипывать и вся затряслась. Слезы не давали дороги словам. Впрочем, это и к лучшему. Что может быть нелепей семейной сцены у свежей могилы!

– Или, быть может… – Лавр оторопело остановился. – Быть может, вы и впрямь думаете, что Петра убили, и, может, вы про меня и думаете?

Собеседники замерли, глядя друг на друга, пытаясь найти ответ на вопросы, мучившие их в последнее время.

– Ты прав, голубчик, – примирительно произнесла Серафима Львовна, и утерла платочком глаза. – Нам не надо говорить об этом сейчас.

Она опустила вуаль, которая бесшумно упала и скрыла ее прекрасное, совсем не тронутое ни горем, ни возрастом лицо. Они поспешили к экипажу, и молодой человек почтительно помог женщине сесть.

Доктор и полицейский все это время неотрывно смотрели вслед уходящим, размышляя о том, было ли совершено убийство их сына и брата или тот скончался от доселе неведомой болезни?

В этот момент позади них раздалось смущенное покашливание. Сердюков и доктор разом обернулись. На дорожке стояла горничная Соболевых, крупная девица с резкими чертами грубого лица.

– Ваше высокоблагородие, – едва пролепетала горничная. – Дозвольте…

– Чего тебе? – изумился следователь. Он уже разговаривал с ней и ровным счетом ничего не вынес из этого разговора, кроме того, что собеседница тупа и пуглива.

Вот и теперь от его резкого тона она вздрогнула, и ее большие глаза еще больше округлились. Она беспомощно оглянулась и в величайшем смущении поправила нелепую черную шляпку, надетую по случаю похорон молодого господина.

– Я давеча испугалась сильно, оттого и говорить не могла.

– Да ты и теперь не больно смелая, – усмехнулся следователь, но голос его сделался мягче, доверительней. – Неужто вспомнила что-нибудь важное?

– Да я и не забывала, только сказать боялась, вдруг за дурную сочтете?

– Стало быть, ты желаешь дать показания?

– Желаю! – выдохнула горничная. – Да только мне бы так, чтобы господа не видели, нехорошо получится. Вроде как оговор.

– Изволь, – оживился следователь. – Мы с доктором пойдем вперед, а ты ступай следом, да не торопись, иди тихонько. Выйдешь за ограду кладбища, пройдешь немного вперед и за сараями увидишь пролетку. Там мы тебя и будем ждать. Да не бойся, я тебя не съем! А если ты и впрямь важное расскажешь, так тем самым поможешь следствию, а это богоугодное дело, найти убийцу!

От последних слов следователя девица опять оробела и стояла с открытым ртом, пока мужчины не скрылись из глаз. Потом она охнула и, подхватив юбки, быстро засеменила к выходу.

В кабинете следователя, узком и темном, было душно. Сердюков распахнул форточку и сел за стол. Стол, стул и суставы следователя – все разом издало неприятный скрип. Горничная Соболевых таращила на него свои глаза-блюдца и часто дышала. Дурацкая шляпка подрагивала на ее голове.

– Вот что, милая, мы с тобой уговорились, что я не серый волк и не душегуб с ножиком. Так что прекрати дрожать и говори толком. – В голосе следователя послышалось плохо скрытое раздражение.

– Я, сударь, от того начать не могу, что не знаю, как подступиться. – Она помедлила, собралась с духом: – Ну да ладно. Барин молодой, тот, что с хозяйкой были, вы его на кладбище видали… – начала девица.

– Лавр Когтищев – племянник профессора Соболева? – уточнил следователь.

– Да-с, он фотографическим делом увлекается. Фотокарточки свои часто приносит в дом, господам показывает. Так вот зимой дело было, еще до Рождества, пришел он по обыкновению отобедать к господам – он у них, то есть у дяди своего, всегда покушать любит, – пришел, стало быть, и пальто мне подает в прихожей, да трость, шапку, перчатки еще у него такие кожаные, дорогие…

Сердюков завозился на стуле, выражая нетерпение. Девушка между тем продолжала дотошно перечислять все предметы, кои она приняла от гостя.

– Я уж все повесила как подобает и тут только приметила, что на столике, что у зеркала в прихожей стоит, остался его портфель. Я хотела его взять да понести следом за господином Когтищевым в столовую. А он вроде как открыт оказался. Не заперт. Вы только не подумайте, ваше высокоблагородие, я бы ни за что его не открыла, боже упаси! Ни-ни! Я его только легонечко тронула, а он и распахнулся весь! Карточки-то и посыпались на пол. Я мигом бросилась собирать да обратно запихивать – что на них было, я и не смотрела. А только вдруг две мне прямо в глаза так и бросились. Одна, первая, там барыня моя изображена. Вернее, только одна ее голова, а все прочее в песке! А рядом еще одна такая же голова, вроде как мужская, мне показалось. И будто я угадала кто это, да разглядывать было некогда. Удивилась я еще, как такое могло быть, барыня моя – и вся целиком в песке? Голова точно сама по себе! И другая рядом!

– Что ж тут удивительного, если господа твои в Африку ездили, в Египет. Может и впрямь зарылись в песок?

Горничная от этих слов даже руками всплеснула.

– Да как же можно, сударь, о моей барыне такое говорить! Она дама очень к чистоте привередливая. Песчинку не допустит на подоле или на ботиночке. А тут, поди-ка! Целиком! Я так изумилася, что и вторую карточку взялась глядеть. А там, царица небесная, барин наш молоденький, Петр Викентьевич, весь в язвах, в струпьях весь и вроде как умирает! У меня аж руки затряслись, я эту карточку опять уронила, как испугалась. Жуть-то какая!

– Погоди, погоди, – удивился следователь, – когда, говоришь, было это? Под Рождество? Ты не путаешь?

– Бог с вами! – Девушка махнула на полицейского рукой. – Память у меня крепкая.

– Выходит, ты увидела фотографический снимок болезни и смерти Петра Соболева за несколько месяцев до того, как это случилось?

– То-то и оно! Я оттого и боялась сказать, что не знала, как такое может быть. Образования у меня нету, буквы кое-как слагаю, но все ж умом постигнуть могу, что вперед самого дела-то фотографической карточки быть не может. Или может? – добавила она с сомнением.

– Черт знает что! – Следователь не скрывал своего недоумения. – А дальше-то что было?

– Да ничего! Я только успела обратно все положить да портфель на столик поставить, как гляжу – поспешает в прихожую господин Когтищев и тревожно так на меня глядит, не видала ли я чего. Я отворотилась, будто пальто его на вешалке поправляю, он портфель схватил и в столовую удалился.

– А про карточки ты никому не говорила?

– Нет, убоялася. Уж больно они странные и страшные. А теперь, когда Петенька умер, царствие ему небесное, – горничная поспешно меленько перекрестилась, – они у меня из головы не идут. Ведь я у его кровати стояла, видела эти язвы, точь-в-точь, как на фотографии, сударь, точь-в-точь! А теперь еще больше боюсь, что значит барынина голова на песке?

– Да… – многозначительно протянул Константин Митрофанович. – Удивительную историю ты мне рассказала. Однако не врешь ли? Не сочиняешь? Может, Лавр Когтищев обидел тебя? Известное дело, когда молодые господа горничных обижают.

Собеседница вспыхнула.

– Господин Когтищев имел интерес, да только я тотчас же барину нажаловалась, он ему пригрозил отлучить от дома за безобразия. Барин наш строгий. Нет, зря я вам рассказала. – В голосе собеседницы послышалось уныние и сомнение. – Я знала, что вы не поверите, уж больно чудно все это!

– Полно, я не хотел тебя обидеть, моя работа такая – все проверять, во всем сомневаться. А то, что чудным кажется, чаще всего имеет какое-нибудь простое объяснение. И, может статься, мы его отыщем.

Глава 2

Экипаж остановился у парадного крыльца дома Соболевых. Навстречу поспешно выбежал швейцар в темно-синей ливрее и помог хозяйке сойти. Дверь была распахнута настежь.

– Барыню молодую внесли, вот только-только перед вами прибыли-с, – поспешил объяснить швейцар. – Без чувств пребывают-с! Да и мыслимо ли дело, овдоветь на первом году брака, да еще в их-то юных годах! Да, горе-то какое, барыня-матушка, ох какое горе вам-то, матери! – Швейцар сокрушенно качал головой.

– Знаю, знаю, любил ты Петрушу! – Хозяйка похлопала его по руке. – Благодарю за слезы. Ступай! Да молись за душу его!

Серафима Львовна направилась в свой будуар, но тут вдруг передумала, развернулась и пошла в спальню невестки.

В просторной комнате с плотно задернутыми шторами посреди широкой кровати лежала маленькая изящная женщина. Ее волосы и складки вдовьего черного шелкового платья разметались по кровати. Бледное лицо почти сливалось с безукоризненной белизной накрахмаленных простыней. Глаза женщины были закрыты, и только едва поднимавшаяся грудь указывала на то, что в ее теле еще теплится жизнь. Около постели, сгорбившись, сидел крепко сложенный широкоплечий молодой мужчина, брат юной вдовы. Он не выпускал из своих огромных ладоней ее бледную безжизненную ручку.

Серафима Львовна вошла и остановилась. Ее раздирали смешанные чувства. В первый миг ее пронзила острая жалость, которая почти сразу же сменилась нарастающей злобой и раздражением. Да и как же быть иначе! Что за безобразное представление устроила Зоя на кладбище! Как неприлично, надрывно она кричала, бросалась на гроб, пыталась кинуться в могилу! А потом впала в беспамятство. Разве ей, матери, не больно, разве для нее эта страшная смерть не конец света! Но она не может позволить себе такого неприличного поведения. Она из последних сил держит себя в руках! Как Петечке должно быть стыдно смотреть на все это с небес! Впрочем, чему удивляться, Зоин эгоизм и невыдержанность давно всем известны.

Серафима Львовна приблизилась к кровати. Скрипнула половица. Егор Аристов вздрогнул и поднял голову.

– Как она? – спросила Соболева, стараясь, чтобы голос звучал как можно мягче.

– Без чувств. Видимо, слишком глубокий обморок. Надо бы позвать доктора, не стало бы хуже.

– Да что же может быть хуже! – не сдержала раздражения свекровь. – Это обморок, пройдет. Она молода и здорова. Пройдет, – добавила еще раз с уверенностью. Но в эти слова Серафима Львовна поневоле вложила совсем иные мысли. Пройдет не только обморок, пройдет и горе, и боль потери, и любовь к безвременно ушедшему мужу. – Зоя совсем не умеет вести себя на людях, не может совладать с собой!

– Помилуйте, Серафима Львовна! Разве можно упрекать человека в том, что он не совладал со своим горем! – изумился Егор.

– Я же не устраиваю показных истерик! Хотя мое горе – горе матери несравнимо с ее потерей!

Мужчина поспешно поднялся.

– Не надо, прошу, не надо делить любовь к покойному Пете. Вы обе любили его по-своему. – Он обошел кровать, на которой лежала его сестра и, осторожно ступая, приблизился к Серафиме Львовне: – Нет ничего более святого, чем любовь матери. Но знаете ли вы, что любовь двух существ разного пола тоже может быть всепоглощающей и неутолимой?

Последние слова он произнес с особым выражением. Серафима Львовна вздрогнула, внутри словно полыхнул огонь. Но тотчас стих, смирился, замер. Нет, теперь она не имеет

права. И он не имеет права… Теперь всему конец, кара Господня страшна и справедлива… Она предала свою материнскую любовь, и Господь тотчас же наказал ее за этот грех. От этих мыслей у Серафимы Львовны голова пошла кругом. Они неотступно мучили ее в последнее время, терзали и грызли изнутри, не оставляя ни днем ни ночью. Она собралась, вскинула голову и хотела бросить что-то резкое в лицо собеседнику, но в это мгновение раздался слабый голос:

– Нет, Егор, не защищай меня!

Лежавшая доселе в обмороке Зоя открыла глаза и приподнялась на подушках.

– Разве ты не видишь, что именно теперь Серафима Львовна решила высказать мне всю свою неприязнь, которую долго копила в душе. Чего тянуть, именно теперь, сейчас, тотчас же, пока дух моего мужа еще витает по этим комнатам. Я беру его в свидетели ее неправедных обвинений!

– Вы больны, Зоя Федоровна! – сухо ответила Серафима Львовна. – Вам надо отдохнуть и о многом подумать. Нам обеим надо подумать, как теперь жить. Вы потеряли мужа, я – сына. Я вовсе не обвиняю вас ни в чем! Мне не в чем вас обвинять. Только себя я казню, только себя! Господь нам всем самый строгий судья. Хотя… – в памяти всплыл разговор с полицейским на кладбище.

С этими словами она вышла, прикрыв за собой дверь. В комнате повисло облако недосказанности, чувства острого горя, усугубленного взаимной ненавистью и непониманием.

Зоя с отчаянием упала на подушки и залилась слезами. Егор хотел бежать следом за ушедшей, но пронзительный вопль сестры остановил его.

– Нет! Не покидай меня, не уходи. Я не останусь с ней в одном доме, теперь, когда Пети нет, мне тут нечего делать! Она ненавидит меня. Всей душой! И так было с самого начала! Теперь ты убедился в этом!

Егор постоял у дверей, потрогал дверную ручку и медленно вернулся к кровати. Сел на низенький пуфик и нежно погладил сестру по голове.

– Разумеется, если хочешь, можешь покинуть Соболевых и вновь поселиться со мной. Вы обе сошли с ума от горя. Это пройдет.

«Нет, ничего не пройдет!» – мелькнуло в голове у Серафимы Львовны.

Несколько мгновений она стояла снаружи в коридоре, прислонившись к двери, словно боясь, что Егор бросится за ней и ей придется упираться спиной в эту дверь, не давая ему выйти. Нет, пусть милый Егор останется с Зоей, там, где он есть. А она останется в своем мире, и они не встретятся более никогда. Разумеется, Зоя не станет жить в ее доме, да и, может, вернет себе девичью фамилию. Что ж, это и к лучшему. Их семьи, на миг породнившись, разойдутся в разные стороны, будто и не было ничего. Не было двух отчаянно влюбленных юноши и девушки… слава богу, что еще не успели обзавестись наследником. Ничто их не роднит, ничто не держит! Боже, как можно еще о чем-то ином думать, как не о смерти Пети! Как теперь жить, если потеряно самое дорогое, самое бесценное, что было в ее жизни!

Надо набраться сил и навестить Викентия. Смерть их ненаглядного мальчика свалила его с ног. Доктор говорит, что сердце мужа так слабо, что день ото дня можно ожидать дальнейшего ухудшения! Господи, помоги! Остаться еще и вдовой! Одной-одинешенькой на белом свете! Ох, нет, ноги не несут, потом, позже, она зайдет к нему.

С этими горькими мыслями Серафима Львовна наконец добрела до своего будуара, прошла через него в спальню и без сил опустилась перед зеркалом. На пол упала роскошная шляпа с длинной вуалью, с легким звоном посыпались шпильки и тяжелые светло-русые волосы покатились тяжелой волной по покатым плечам.

Раньше она всегда любовалась собою в зеркале, но теперь даже не видела своего отражения. Слезы туманили его, а потом и вовсе полились рекой, неудержимым водопадом. Мысль о Пете, о Зое, о Егоре, о больном муже, который не смог даже присутствовать на похоронах сына,

страшные подозрения этого неприятного полицейского, племянник Лавр! Как все смешалось, как все тяжело, неясно, гадко!

Серафима Львовна упала головой на руки и отчаянно стала желать, чтобы время вернулось вспять, назад, в ту пору, где она была юной и беззаботной девушкой, где мир представал перед ее взором светлым и понятным, полным лучезарных красок и переливов.

Мир, где не надо было мучиться, искать ответы на сложные вопросы. За нее эти вопросы решал отец, а потом муж.

– Серафима! Дочка! Иди сюда! Да где же ты?

С этими словами господин Дудко суетливо развел руками и нервно прошелся по гостиной. Его смущал гость, Викентий Илларионович Соболев, который нежданно-негаданно пожаловал нынче с утра. Однако, ежели быть честным перед самим собой, все-таки ждали Соболева в доме, надеялись, что он нанесет визит после памятного бала, на котором ему представили дочь Дудко – Серафиму. Бал в Дворянском собрании собрал множество приличных господ, среди которых Дудко намеревался приискать надлежащего жениха своей красавице дочери. А уж хороша она была! Ее удивительная, просто какая-то неземная красота доставляла папаше Дудко всяческие хлопоты и беспокойства. Где бы они ни оказывались с дочерью, тотчас же раздавались охи-ахи и комплименты. Прохожие на улице выворачивали головы, кавалеры в пролетках махали руками и свистели от восхищения.

Для разумного и любящего отца такое внимание было сущим наказанием. Ведь не углядишь, как хлыщ какой-нибудь или распутник появится. Тяжкое дело – красавица на выданье! А солидные женихи не больно-то и бегут, боятся. С такой женой всю жизнь живи да по голове себя оглаживай, выросли рога или нет? Да и сама девица-то уж больно молода. Опыта жизни никакого, да и ума не бог весть что. Влюбится, вобьет себе в голову чепуху романтическую и все, пиши пропало!

Дудко так рассуждал потому, что в свое время и сам был таким романтическим соискателем для нынешней супруги своей, в ту пору женщины неземной красоты и малого ума. Вскружил ей голову и добился руки. Романтический флер быстро улетучился, красота жены как-то стремительно поблекла, сам Дудко после курса университета подвизался на чиновничьей ниве и мало преуспел в жизни. Вот и боялся он, что ненаглядная его девочка по глупости своей выберет ничтожного жениха. Нет, супруг надобен солидный, состоятельный, чтобы жизнь была безбедной, радостной. Чтобы муж ее опекал и заботился так же, как родной отец. Поэтому, когда на балу Дудко встретил своего старого университетского товарища Викентия Соболева, который теперь в этом самом университете служил профессором, и узнав, что тот так и не женился, поспешил представить ему свое дитя шестнадцати лет от роду, тайно надеясь, что неотразимое обаяние девушки подействует на старого знакомого. Расчеты отца полностью оправдались – в строгих глазах профессора что-то сверкнуло. Или это просто свет хрустальных люстр полыхнул в стеклах пенсне?

Глава 3

Красавица, восторг, божественная, чудная, неземная!

Серафима так привыкла к подобным эпитетам, что не придавала им значения. Другие барышни душу бы отдали за такие слова и за такое внимание, а эта, точно пугливая серна, таилась в своей комнатке, боясь причинить хлопоты окружающим, вызвать раздражение родителей. Ее дома так и прозвали – Серна. Посторонние люди дивились, как это можно было так исказить Серафиму, что получилась Серна? Вечно эти Дудко носятся со своей чудо-дщерью, даже имя ей дали несуразное. Нет бы как все, кликали Фимкой. Ан нет, Серна! Какая такая Серна?

Дудко, когда дитя было еще совсем мало, вычитал в книге о трепетных и нежных животных с чудными глазами и грациозной статью, пугливых и ласковых. И тотчас же понял, что дочь его именно такова. Подрастая, девочка поняла, что отличается от своих сверстниц. Ее хвалят, ею восхищаются. И часто неискренне, с завистью и раздражением. Умом ребенок этого понять не мог, но тонко развитые чувства помогали ей ощутить фальшь. И она стала избегать визитов и знакомств. Ее мать, женщина шумная и бойкая, с криком гнала девочку в гостиную, где той предстояло очередное мучительное знакомство. Нет, она не была букой, нежный смех и лучезарная улыбка часто озаряли ее лицо, делая его еще более неотразимым. Но она понимала, что излишнее внимание, которое ей оказывают мужчины, причиняет родителям беспокойство. Она вовсе не была глупа, как искренне полагал ее отец. Просто она была закрыта, как ракушка, внутри которой таилась бесценная жемчужина. Серафима знала, что ей надо выйти замуж, что родители ищут ей достойного жениха. Она и сама робко оглядывалась по сторонам, иногда тайно увлекаясь то одним, то другим знакомым. Но самую малость, чуть-чуть, понарошку. Просто чтобы помечтать перед сном, погрезить наяву, не более.

К рождественскому балу в Дворянском собрании в семье готовились долго. Влезли в долги, чтобы сшить новые платья. Хоть захудалый, но все же род дворянский. Предки Дудко были малороссийские помещики. Правда, поместье под Киевом ушло за долги, еще при жизни деда Дудко, и сын его отправился искать счастья в столицу империи.

Для юной барышни заказали розовое платье из газа и тафты. Пышное, воздушное, оно превратило девушку в сказочную принцессу. Вызванный с раннего утра парикмахер хотел соорудить из роскошных волос замысловатую корону на голове, а потом, подумав, заявил, что при внешности сей девицы да при пышном наряде излишество на голове будет неуместным. Потому волосы зачесали гладко, отчего огромные глаза Серны стали казаться еще больше.

Надо ли говорить, что явление юной богини привлекло всеобщее внимание. От желающих пригласить барышню Дудко на танец не было отбоя, и в ее бальной книжечке уж почти не оставалось свободного места, когда вдруг папаша подвел к ней высокого худощавого господина с орлиным носом и строгими глазами, внимательно смотревшими из-за стекол пенсне. Викентий Илларионович Соболев, профессор Петербургского университета, давний знакомый папеньки, некогда учились вместе, да потом пути разошлись. Вот, давненько не виделись. А тут такой случай. Приятно познакомиться. Удивительно, уже такая барышня выросла, совсем взрослая. Невеста! А вот ему, Соболеву не посчастливилось до сих пор обзавестись семьей. Все наука да наука, книги, студенты. Вот только племянника воспитывает, сына сестры, Лавра. Нет, не сиротка, просто родители его в далекой провинции, отец бестолковый и никчемный. Вот и взял он мальчика по просьбе сестрицы своей, чтобы не пропал, чтобы дать ему дорогу в жизни.

Разговор продолжался, Серафима вежливо томилась рядом с родителями. Новый знакомый казался ей совершенно неинтересным, более того, он ужасно ее пугал и смущал. Соболев

иногда бросал на девушку быстрый обжигающий взгляд, от которого она вся внутренне сжималась, ей хотелось спрятаться за мать.

– Скажи на милость, что это ты точно воды в рот набрала, да все ко мне жалась, будто господин Соболев тебя скушать собрался? – зашипела она на дочь, когда собеседник отошел на несколько шагов.

Но не успела Серафима что-то пролепетать в свое оправдание, как новый знакомый воротился и учтиво и холодно пригласил ее на танец. Девушка обмерла, ноги не слушались ее, она уже решилась было отказать по причине духоты, но тотчас же наткнулась на такие испепеляющие взгляды обоих родителей, что не посмела и, чуть ли не падая, подала руку кавалеру.

Танцевала она плохо, чувствуя себя деревянной палкой, отвечала на вопросы невпопад, краснела от собственной неловкости. Наконец и вовсе перестала отвечать, поникла в руках кавалера и кое-как дотерпела до конца танцевальной фигуры.

– Ваша милая дочь очень утомилась от шумного бала и танцев. Возвращаю ее вам. – С легкой улыбкой Соболев подвел свою незадачливую партнершу к отцу. – Мадемуазель, благодарю вас. Я давно не испытывал такого удовольствия от танца, как нынче! – И, сдержанно поклонившись, он удалился, оставив семейство в совершенном смятении.

Всю ночь после бала супруги гадали, последует ли теперь визит старого университетского товарища, ведь его настойчиво приглашали. Если последует, то надо ли это понимать как надежду на жениховство? О нет, это было бы слишком хорошо, чтобы быть правдой!

Поэтому когда через несколько дней долгожданный гость все-таки явился, в доме начался совершенный переполох и ажитация. Одна Серафима пребывала в счастливом неведении, при детской ее наивности ей и в голову не могло прийти, что этот строгий дяденька, почти старик, ведь он старше ее на двадцать лет, может сделаться ее женихом!

Когда наконец по требованию матери она покинула свое убежище и спустилась вниз, то постаралась побыстрее найти для себя укромный уголок и забиться туда. Однако сделать это ей не удалось. Несносный гость непременно желал ее участия в разговоре. Без конца обращался к ней с вопросами и, что самое ужасное, желал слышать ответы. Она терялась, как плохая ученица на экзамене в гимназии, робела, глотала слова и беспомощно смотрела на родителей, которые ничем не могли ей помочь. Ей хотелось плакать. Гость, казалось, не замечал ее замешательства и мучений, все сидел и сидел, и конца не было этой пытке. Уж и чай весь выпили, и самовар остыл, а он все не уходил. Когда же наконец он поднялся, Серафима, не дожидаясь его последних слов и поклонов, опрометью бросилась вон, надеясь, что эта ее невоспитанность простительна, и она более никогда не увидит этого неприятного господина.

Однако ее надежды не оправдались. На той же неделе он пришел еще раз, потом снова. Серафиму строго требовали в гостиную. Она поспешно спускалась и старалась как можно быстрее улизнуть прочь. Родители беспрестанно шушукались о чем-то и при ее появлении замолкали. На их лицах застыло ожидание разрешения удивительной тайны.

Дудко ловил себя на мысли, что иногда по его лицу плавает бессмысленная улыбка. Нет, нет, только бы не спугнуть надежду! Жена его то и дело бегала в церковь, часами простаивала там и горячо о чем-то просила Бога.

Однажды в воскресенье Серафима с матерью явились с прогулки и обнаружили, что в доме гость. На вешалке висела дорогая шуба ненавистного профессора. Серафима, веселая, розовощекая от мороза, стряхивала снег с шубки, в то время как матушка поспешно прошла в гостиную. Оттуда донесся быстрый нервный говор и легкий радостный вскрик. Серафима, хоть и не желала видеть Соболева, после чудной прогулки на морозе была в хорошем расположении духа и почти спокойно вошла вслед за матерью в гостиную. Родители и Соболев стояли полукругом посредине комнаты. На их лицах застыло таинственно-радостное и какое-то глупое выражение. Серафима в нерешительности замерла на пороге.

– Ну что же ты встала, дитя мое! – патетически воскликнул Дудко. – Иди же смелее навстречу своему счастию, своему избраннику, своему супругу!

Девушка почувствовала, что ей не хватает воздуха в груди.

– Да, да, деточка! Именно так! Викентий Илларионович оказал нам честь и просит твой руки!

Лицо новоиспеченной невесты исказилось гримасой ужаса, и она рухнула без чувств.

Глава 4

Если бы Викентия Соболева ударили по лицу, назвали бранным словом, он и то был бы менее потрясен и оскорблен, нежели в тот миг, когда перед ним мелькнуло лицо, искаженное ужасом и отвращением, затем последовал глубокий обморок девицы, руки которой он явился просить. Мысль о том, что эти чувства вызывал не какой-нибудь монстр, а он, он, Викентий Соболев, гордость университета и отечественной науки, любимец студентов, автор нескольких нашумевших в своем кругу трудов! Мужчина образованный и элегантный, в кои-то веки решивший покончить с одиночеством и вручить свою душу в нежные руки прелестного существа. И тут такой оборот, такой позор и унижение. Первым желанием незадачливого жениха было бежать не глядя, и он чуть было не поддался этому чувству. Обескураженный родитель ухватил его за рукав сюртука, и они с женой в два голоса завопили, что сие есть девическая нервозность, романтическая неуравновешенность. Закусив губу, Соболев слушал, но при этом все равно точно решил покончить с неудачным сватовством и уж более никогда в жизни не позволять себе подобной чепухи.

Между тем мать склонилась над девушкой и, пытаясь привести ее в чувство, расстегнула ворот платья, да по горячности излишне широко. В глаза Соболеву бросилась нежная кожа шеи и чуть оголившееся плечо. На ключице нервно вздрагивала голубая жилка. Взгляд невольно желал большего, воспаленный разум тотчас же нарисовал скрытые одеждой прелести, которые отчетливо угадывались под тугим корсетом и дразнили воображение. Викентий Илларионович тяжело рухнул в кресло и понял, что не в силах отказаться от возможности обладать этими сокровищами. Да, они не достанутся ему легко, но разве легко открывается пещера Аладдина? Нет, он не отступит! Она юна и не понимает своего счастья, но он найдет возможность доказать ей, что она ошибалась в своих чувствах. Она его не любит? Не беда, любовь придет и станет именно такой, какой нужно ему, он воспитает свою избранницу, заставит ее смотреть на мир его глазами, он вложит в эту чудную головку свои мысли, он научит ценить его, он сделает ее равной себе. И они будут счастливы!

И почему даже очень образованные люди не понимают простых вещей? Что человек, пусть даже еще очень молодой, – не кукла, которой можно вертеть по своему усмотрению, и женщина – это не пустой сосуд, в который что заложишь, тем она и бренчит! Или наоборот, чем значительней сам человек, тем более его гложет гордыня и тем яростней он хочет помериться силами с Творцом. Ты плохо сотворил эту женщину, Господи. Я переделаю ее на свой лад!

Соболев был из таких, из непокорных. Но если до этого он кого-нибудь и переделывал, то только себя. Рожденный робким и застенчивым, полным страхов и предубеждений, он всю жизнь преодолевал в себе этих бесов, поднимаясь на очередную вершину. Он не имел особенных задатков, но отличался неуемным честолюбием и невероятным трудолюбием. Поэтому, не будучи самым талантливым из товарищей в гимназии и университете, однако же, становился лучшим. Он лишил себя отдыха и радости жизни, но добился научного признания, уважения коллег и студентов. Мало кто бывал у него дома, мало кого он допускал в свою душу.

Потому что там, несмотря на все его успехи, продолжал жить робкий и недоверчивый подросток, болезненно жаждущий признания и любви. А ее все не было. Нет, конечно, женщины на его пути встречались, но они приходили и уходили, оставляя груз разочарования и обид. Он видел себя божеством на троне любви, милостиво принимающим поклонение наложниц. Но природа посмеялась над ним и обделила его и тут. Увы, на любовном поприще одним старанием и усердием, одной работоспособностью не обойдешься. Тут надобны фантазия, виртуозность, изысканность и безграничный полет.

Помаявшись, Соболев решил для себя, что все женщины глупы, наивны, неразвиты и верх безумия – искать среди них существо, которое стоило бы всех его переживаний. Поэтому

годы шли, а он оставался холостяком. При этом Викентий был человеком не злым, его мысли носили правильный характер, и он понимал, что надобно в жизни делать добро, причем добро конкретное, а не просто нести свет знаний молодым душам, которые с жадностью внимали его лекциям по древней истории и литературе. И он решил не искать далеко, а обратьcя к собственному семейству.

Его родная сестра, Василиса Илларионовна, была на два года моложе. Василиса, да не прекрасная. Тонкие острые черты лица у брата казались привлекательными, а со временем даже приобрели одухотворенность. У сестры же с годами лицо еще более заострилось, что придавало ей неприятный и нарочито зловредный вид. Университетские товарищи брата приняли ее в свое сообщество, потому что она была бойкая на язык, училась на высших Бестужевских курсах и мечтала о революции. А кто, скажите на милость, в молодости не грезит революциями? Викентий тоже немного поболел этой заразой, да быстро выздоровел, а вот сестрица заразилась серьезно. Жажда переустройства мира свела ее с господином Когтищевым, тоже из университетских. Когда Викентий познакомился с новым приятелем сестры, то нашел его по меньшей мере умалишенным и не пожелал поддерживать знакомства. Это печальное обстоятельство не помешало любви двух юных революционеров. Отношения брата и сестры сделались настолько враждебными, что когда Василиса сделалась госпожой Когтищевой, то Викентия не пригласили на бракосочетание, да если бы и пригласили, он бы не пришел.

Игры в революцию – дело захватывающее, но чрезвычайно опасное. Можно заиграться и не заметить, как из благопристойного господина станешь государственным преступником. Именно это и произошло с Когтищевым. Его арестовали за вольнодумство и опасную агитацию, осудили и выслали в город Саратов под неусыпный надзор полиции. От прежнего революционного задора скоро не осталось даже искр, потому что надобно было что-то кушать, сводить концы с концами и растить единственного сына Лавра, которого Когтищевы успели родить, несмотря на угар революционной борьбы. Соболев много лет не поддерживал никаких связей с сестрой, полагая, что теперь они совсем чужие люди, и их дороги разошлись навсегда. В университете никто не знал, что у почтенного профессора Соболева такие неблагонадежные родственники. Правда, все это было давно: Когтищев совершенно успокоился, и вся его революционность ушла в громкие речи перед супругой, особенно когда за обедом не хватало супу или мяса. Полицию он уже давно не волновал, бывшие соратники о нем забыли за ненадобностью. Василиса с годами испытала горькое разочарование. Не вышло из мужа героя-бунтаря, нового Чернышевского. И вообще ничего не вышло. Очень жаль было Лаврушу, Лаврика, смышленого мальчика, которого дразнили и тиранили в гимназии. Василиса думала, думала и придумала. Однажды, безо всякого предупреждения, она появилась в Петербурге на пороге квартиры брата вместе с сыном. Соболев лишился дара речи, особенно когда понял, что сестра приехала просить его взять племянника на воспитание. Брат и сестра не виделись целую вечность и оказались взаимно неприятно поражены. Он – тем, как она постарела и поглупела, какой стала жалкой и неопрятной. Как неприятны ее быстрая речь, перемежающаяся местными словечками, старое поношенное платье, нервные руки, которые она не знала, куда пристроить. Ее же ошеломила роскошная квартира, полная книг, вид брата-барина, который смотрел на нее и племянника строго и неприязненно, как на уличных попрошаек.

Викентию Илларионовичу ничего не оставалось, как позволить им пожить немного у себя. Василиса потеряла голову от счастья. Она снова в Петербурге, а не в ненавистном захолустье! Огромная квартира с ванной, столовое серебро, аккуратная горничная, которую можно заставить мыть и чесать тебе волосы, застегивать платье, словом, то, чего она никогда не имела, но очень хотела иметь. Смелые революционные идеи по переустройству вот этого самого буржуазного мира? Полноте, Господь с вами, когда это было! Да и с кем не случается горячки молодости! Как она теперь жалела, что вышла за Когтищева, а не за кого-нибудь из аккуратных и застенчивых студентиков вроде брата, жила бы теперь припеваючи!

Пока Василиса воевала с тенями прошлого, Викентий успел поближе познакомиться с племянником и понял, что мальчик умен и боек. Тот, в свою очередь, тоже смекнул, что его единственный шанс теперь – это понравиться дяде, да так, чтобы тот оставил его при себе. В ту пору Соболев уже решил, что жениться ему не дано, а жить одиноким бирюком еще не старому человеку скучно. Отчего же не приютить ребенка, не облагодетельствовать на всю жизнь? И, приняв решение, Соболев заявил сестре, что оставляет Лавра при себе, берет на себя расходы за его обучение, однако же за это он требует, чтобы родители ребенка не вмешивались в его воспитание и не смели появляться в доме без его дозволения.

Василиса не поверила своим ушам. Разумеется, она была счастлива, что ее план по устройству сына увенчался успехом. Но ей было горько осознавать, что она теряет свою кровиночку, и путь в дом родного брата ей по-прежнему заказан. А ведь она надеялась, что ежели брат возьмет Лавра, то и она останется с ними. А муж? Да Бог с ним, мужем-то! Но Викентий строго пресек такие мысли и отправил ее восвояси.

Лавр расстался с мамашей без горьких слез. Впереди его ждала интересная, полная неожиданностей жизнь столичного юноши, племянника известного ученого и профессора.

Глава 5

Серафима не помнила, как пришла в себя, как очутилась в своей комнате. Ее сознание стало словно бы ватным. Всякий раз, когда она пыталась думать о будущем супруге, о грядущем замужестве, ей становилось так дурно, словно она молока с огурцом покушала или соленых грибов на ночь. Однако дело шло к финалу, назначили день свадьбы, заказали роскошное подвенечное платье, свадебный ужин на квартире профессора. Жених несколько раз навещал невесту, приносил, как и подобает, подарки, букеты, приглашал на прогулки, в театр и на выставки. Мать с утра до ночи твердила дочери, что брак – самое главное в жизни женщины. Но брак по любви – это глупость, за которую приходится расплачиваться всю оставшуюся жизнь, и не только самой женщине, но и ее детям. Сватовство Соболева – это счастливый билет для Серафимы, продолжала зудеть мать, он в летах, знает цену всему. Он будет холить и лелеять жену, выполняя все ее прихоти. Конечно, двадцать лет разницы – немалый срок. Да зато человек солидный, состоявшийся, везде ему почет и уважение. А так что, выскочила бы за какого-нибудь юнца, хлыща, оборванца, да и мыкалась по съемным углам, считала каждую копейку. При такой жизни ойкнуть не успеешь, как своего отражения в зеркале не узнаешь!

Но ни увещевания матери, ни окрики отца, мол, ты у меня глупости-то из головы выброси, жениха не зли, не досаждай ему своими обмороками, не смотри букой, – ничто не могло переменить ее отношение к жениху. Она даже слезно просила Господа о том, чтобы тот своей властью отвел от нее неминучую беду, но Господу недосуг было слушать ее невнятный лепет.

В день венчания Серафима искренне желала своей смерти и даже искала на кухне яд от крыс, однако яд весь перевели по назначению, а нового еще не купили. Пришлось смириться и позволить одеть себя к венчанию и вести в церковь. После службы, которая проплыла как в тумане, молодые и гости отправились на квартиру супруга, где их ждал роскошный обед из ресторана. Когда гости уже по десятку раз прокричали «Горько», изрядно выпили и от души закусили, наступило время танцев. Промаявшись с мужем круг вальса, Серафима сослалась на головокружение и ускользнула в дальние комнаты. Там она застала обоих родителей. Мамаша Дудко горько рыдала о том, что теперь она уж не та, что раньше. Не заметишь, и бабушкой сделаешься. Папаша постанывал: вот и жизнь пронеслась, а что удалось, что свершилось?

Удачное замужество единственной дочери стало для них и радостью, и болью одновременно. Бедная Серафима, у которой и без того глаза были на мокром месте целый день, бросилась к ним с горькими слезами. Так и стояли они, обнявшись втроем, и не видели, как осторожно отворилась дверь и в комнату заглянул счастливый муж. Вид рыдающей жениной родни поверг его в такое смятение и отчаяние, что он непроизвольно оглянулся вокруг, нет ли поблизости острого ножа, или не отворено ли окошко, да вовремя взял себя в руки. Полно, Викентий, разве ты не знал, что она идет за тебя поневоле? И неужто ты не поймешь родителей, которые жалеют и любят свое дитя, но хотят осчастливить ее на свой лад.

Когда наконец гости разошлись и супруги остались одни, Викентий Илларионович, сам робея, направился в спальню жены. Он застал ее уже простоволосую, в пеньюаре. Горничная торопливо пожелала доброй ночи и бесшумно исчезла, оставив их один на один, перед лицом взаимной боязни и робости. Она боялась и смущалась его, а он трепетал от ее страхов, которые не знал, как победить.

Викентий приблизился к жене и лишь слегка прикоснулся к ее щеке, провел рукой по волосам, а она уже задрожала. Воистину пугливая Серна!

– Отчего вы так боитесь меня. Ведь я ваш друг, я не сделаю вам дурного! Я… – он запнулся и покраснел. – Я люблю вас!

Но она не слышала, не поняла, не оценила его слов. Ему стало больно и горько, ведь он так долго готовился это сказать, для него это тоже была пытка, а для нее слова в то мгновение не значили ровным счетом ничего. Он выстрадал эти слова за недели жениховства, он выносил их в своей груди. И впервые произнес с подлинным чувством!

Страх, стыд оглушили молодую жену. Да, муж говорит ей о любви. Разумеется, о чем он может еще говорить, прежде чем ринуться на нее, словно тигр! Ее полуприкрытые веки, под которыми таились слезы, ее по-детски дрожавшие губы, внезапно нахлынувшая бледность – все говорило о том, что путь к супружескому счастью предстоит тернистый.

– Доброй ночи, дитя мое, моя ненаглядная Серна! – только и мог выдавить из себя Викентий.

В ответ муж увидел благодарную, едва заметную улыбку. Он еще раз едва прикоснулся губами к ее щеке, лбу, и вышел прочь из спальни.

Разумеется, и на пугливую Серну терпеливый охотник все же умудрился накинуть свою сеть. Однако страсть, которую испытывал Викентий к своей юной жене, буря желаний, которая вскипала в нем при виде ее божественного тела, все это только пугало и смущало Серафиму. Ее разум и чувства по-прежнему были парализованы страхом.

«Что ж, ведь ты знал, что она еще совсем дитя. Пройдет время, и все случится. Вы найдете свое счастье, она постигнет таинства любви в твоих объятиях, – пытался утешать себя Соболев, но внутренний голос твердил ему другое: – Э нет, братец, долгонько же тебе ждать придется, пока она повзрослеет. Двадцать лет разницы – большой срок. Ты весь трепещешь, а она точно лед. А между тем старость не за горами. Тебе на диванчике подремать, а ей любовных игр только в это время и захочется. Ох, и глупец же ты, Соболев, ох и глупец! Жди рогов!»

Иногда, когда жена проходила мимо, обдавая его своим нежным запахом, или просто сидела напротив на диване в гостиной с рукодельем в руках, он испытывал такое томление плоти, что готов был тотчас же наброситься на нее. Чудовищным усилием воли подавляя порывы сладострастия, он спешил укрыться в кабинете и погрузиться в работу над очередной лекцией или статьей. Но прелести жены маячили перед глазами, дразнили, сводили с ума. Он бросал все к черту и шел к ней. Она подчинялась его желаниям безропотно, покорно, словно невольница из гарема, словно кроткое животное, и это выводило его из себя, приводило еще в большее исступление.

Все разом завершилось, когда стало известно, что Серафима ждет ребенка. Теперь дорога в ее спальню была закрыта. Соболев смирился с этим – ожидание потомства давало ему такое ощущение неземной радости, что он забывал все вокруг. Правда, жена эту радость не разделяла, она ходила трудно, ее бесконечно мучила дурнота, стучало сердце и кружилась голова. Роды терзали ее около полусуток, крики, разносившиеся по дому, сводили Викентия с ума. Родился мальчик. Юная мать, обезумев от боли и страданий, не хотела видеть его несколько дней. Доктор утешал – родовая горячка, временное умопомешательство. Такое случается у очень чувствительных особ.

Когда наконец она пришла в себя и пожелала видеть младенца, то, прижав его к своей груди, заявила мужу, что хотела бы окрестить ребенка Петенькой. Викентий Илларионович имел на этот счет иное мнение. Он даже и не собирался обсуждать его с женой, но тут вдруг услышал новые интонации в ее нежном голосе. Он понял, что она не отступит. Что ее страдания дают ей право поступать так, как она пожелает. А ему остается только подчиниться ее решению. Это было настолько новым, неожиданным в их отношениях, что Викентий не нашелся что возразить.

Петенька же превратился в предмет обожания мамы и папы, на нем сосредоточились материнская любовь – безудержная, сумасшедшая, и любовь отца – рассудочная, взвешенная, степенная.

Однажды, полагая, что прошло достаточно времени, Викентий Илларионович пожелал возобновить супружеские отношения. Он навестил жену, и так как давно не прикасался к ее коже, нежной груди, плечам, бедрам, то чуть не сошел с ума от распирающей его страсти. Серафима сидела на краю постели и, не скрывая недовольства, произнесла:

– Отчего так несправедливо разделил Господь: одному – неземное наслаждение, другому – омерзение и боль!

У Соболева потемнело в глазах. Жена, не поворачиваясь, легонько зевнула и грациозно потянулась за пеньюаром. Розовый шелк спины исчез в шелке ткани.

Врата рая с треском захлопнулись.

Глава 6

Серафима Львовна подняла голову и кое-как, на скорую руку, скрутила рассыпавшиеся волосы, воткнула несколько острых шпилек. Раньше она невольно вздрагивала от их уколов, а теперь она согласилась бы на любую боль взамен терзающей ее боли от потери Пети. Она хотела встать, но предательская дрожь в ногах усадила ее обратно. Нет, она не может вот так оставаться в кресле, надо заставить себя встать и пойти к больному мужу. Серафима оперлась руками о колени, чтобы было легче встать, и нехотя поплелась в комнату супруга.

Возле двери она остановилась. Так было всегда, на протяжении всей их совместной жизни. Она робела перед дверью, собиралась с духом. Иной раз, зная, что он сердит на нее или сына, недоволен прислугой, или еще Бог весть что, она подолгу не могла решиться нажать на ручку, переминалась, а потом, крестясь, входила.

Петенька тоже боялся отца до обмороков. Нет, Викентий никогда пальцем не тронул ребенка. Розог в доме и вовсе не водилось. Голоса на него не повысил, но умел говорить так, что дрожь пробирала до самых костей. Это свойство профессора Соболева знали не только домашние, но и все его студенты, которые шли к нему на экзамен или отвечать за провинности, как на Голгофу.

Серафима чуть поскреблась, дверь распахнулась. Старый камердинер мужа поклонился хозяйке и посторонился.

– Что, как он? – Серафима поспешно прошла к больному.

– Спит, барыня, а то все маяёся, метался, стонал. А теперь спит.

– Не дождался меня, – она села на стул около кровати. – Ты ступай пока, надо будет, позову. Я тут побуду.

Старик поплелся прочь, а она откинулась на спинку стула. Взгляд невольно скользил по лицу спящего. За последний год он сделался настоящим стариком, а ведь совсем недавно муж выглядел просто элегантным седовласым господином, высоким и статным, крепким, с резвыми и быстрыми движениями, так что присутствие в его жизни молодой жены не казалось неприличной нелепостью. Глаза спящего запали, скулы выступили вперед, сухая кожа обтянула череп, губы сжались в серую полоску.

Серафима подавила вздох и отвела глаза, так заныло сердце. Разве нет твоей вины в том, что он слег и вмиг постарел? Прочь, мысли, прочь! Взор ее заметался по комнате, ища пристанища.

Книги, книги, они везде, не только в кабинете, даже в спальне. Вся эта далекая, пыльная древность неожиданно стала и ее жизнью. Муж полагал, что главная забота образованного прогрессивного человека – это воспитать жену. Поднять ее не только до своего положения в обществе, но и до высот своего умственного развития. Жена должна вызывать не только телесный трепет, она может сделаться достойным собеседником. И мысли ее должны витать не только в детской, буфетной, бельевой, модных магазинах и лавках, этих необходимых, но низменных местах. Ее мысль пусть тоже обретается в высоких сферах, кои доступны только избранным. Он годами учил студентов, ему доставались всякие ученики, среди которых встречались и светлые головы, и тупоумные. Поэтому Соболев был совершенно уверен, что и жену можно приобщить к великим знаниям. Ведь можно научить медведя, собаку или обезьяну в цирке разным трюкам. В этом смысле жена гораздо более благодарный объект для усилий.

Руководствуясь самыми великими и благородными помыслами, Викентий Илларионович однажды позвал Серафиму и вручил ей книгу, монографию по древней истории, сопроводив строгими указаниями обязательно прочесть. В ту пору она только-только начала входить в роль взрослой женщины, жены профессора университета, хозяйки столичного дома. Голова шла кругом от забот и впечатлений. Посему книга была отложена на потом и совершенно забылась.

Как-то раз за завтраком Викентий Илларионович решил поинтересоваться мнением супруги о прочитанном. Рука с вилкой застыла в воздухе, глаза молодой женщины округлились, она потупилась и залилась краской. Она не знала, что ответить, но не смела признаться, что напрочь забыла о злополучной книге.

– Но вы хоть открывали ее? Вы удосужились полистать? – В голосе мужа сквозило недоумение и плохо скрытое недовольство.

Нет, она тоже не могла сознаться, что взяла книгу, повертела, полистала, пробежала несколько страниц глазами и сочла необыкновенно скучной. Остаток семейного завтрака прошел в тоскливой тишине.

На другой день, будучи на кафедре, Соболев разговорился со стариком профессором, своим вечным оппонентом в научных баталиях.

– Викентий Илларионович, что-то вы, батенька, нынче мрачны донельзя, точно туча перед грозой? Кто вас допек, неужто студенты наши, олухи и невежды?

– Ах, коли бы студенты, так куда ни шло. Дело привычное, – мрачно усмехнулся Соболев, да и пожаловался собеседнику на неприятность, вышедшую дома.

– Помилуйте, батенька! – всплеснул руками старик. – Дозвольте мне, как человеку пожилому, дать вам совет. Если вы хотите, чтобы молодая жена вас возненавидела, так продолжайте в том же духе!

Викентий Илларионович долго думал над словами коллеги. Да, он поступил глупо, топорно, без изящества и тонкости. Впрочем, как всегда.

– Серафима, дружок, давай уговоримся с тобой, – сказал он жене несколько дней спустя. – Ты, ежели чего в книжке не понимаешь, так сразу, без стеснения мне о том говори. Тебе ведь отчего не захотелось читать, оттого, что непонятно, потому и скучно. А если ты все поймешь, так это совсем иное дело будет. Зато мы сможем с тобою говорить об очень интересных вещах.

Серафима покорилась неминуемой судьбе. Это как экзамен в гимназии, надо прочитать и запомнить, а потом ответить строгому учителю. Хочешь не хочешь, а придется. Тяжело вздыхая, она принялась за книгу. Потом, преодолевая робость, заставила себя спросить мужа непонятное, и дело пошло. Постепенно она успокоилась, а там и увлеклась. Недели через две профессор осторожно поинтересовался, как далеко она продвинулась в чтении. Серафима ответила ему довольно бойко, он задал ей еще несколько вопросов, с ответами на которые она также вполне успешно справилась. Ему хотелось скакать и кричать от радости, точно перед ним был ребенок, который освоил первые шаги.

Серафима, вспоминая свои мучения, невольно усмехнулась. Это теперь мир древних цивилизаций не казался ей мудреным и непонятным. Она потихоньку стала читать его книги, его лекции, увлеклась и даже могла беседовать со студентами и коллегами мужа, которые иногда навещали профессора. Разумеется, она не сделалась знатоком древней истории и литературы, но мир, в котором жил ее супруг, стал ей ближе и доступнее. Теперь она лучше могла узнать и его самого, а значит, не бояться, как прежде.

– Серафима! – Она невольно вздрогнула. Муж проснулся и открыл глаза. – Как прошло?

– Достойно, не тревожьтесь. Проводили как подобает.

Викентий чуть приподнялся и взял ее за руку. Она поспешила придвинуться. Муж положил свою ладонь поверх ее бледной руки. Его глаза смотрели испытующе.

– Как ты?

Вместо ответа она отвернулась и уткнулась подбородком в плечо. Плакать нельзя, муж будет нервничать. У нее будет еще возможность нагореваться всласть.

– А Зоя?

– Совсем плоха, себя не помнит.

– Бедняжка! – Викентий повернулся на бок. Жена поправила ему подушки. – Она останется с нами?

– Не знаю, она в истерическом состоянии.

– Пусть поступает как пожелает, наш дом – ее дом.

– Разумеется.

Супруги помолчали. Серафима снова поправила подушки, одеяло, провела легонько по волосам мужа.

– Как будем жить теперь, жена? – Голос Викентия звучал тихо, но в этих словах она услышала все пережитое за последний год.

– Только на Бога уповаю, только на него. – Что ей оставалось ответить? Сын соединял их все эти годы, а теперь то, что было главной ценностью их союза, исчезло. Им обоим казалось, что они слышат треск: это рушился их дом, их семья.

Страшась мыслей о наступающих переменах, она с излишней поспешностью подробно рассказала ему о похоронах. Викентий слушал внимательно, из глаз его катились слезы. Однако когда жена упомянула следователя полиции и доктора, он чуть не подскочил.

– А этим господам что понадобилось?

– Они пришли выразить нам свои соболезнования. – Серафима помолчала и вдруг решила, что не будет лгать и ничего утаивать от мужа.

– Следователь полагает, что Петра убили, – выпалила она и со страхом уставилась на мужа, ожидая бурной реакции, возмущения, гнева. К ее изумлению, Викентий промолчал, но его лицо приняло очень сосредоточенное выражение.

– Кого же он подозревает?

– Бог его знает, его не поймешь. Ведь он допрашивал всех в доме. Я боялась сказать вам. Это доктор, доктор его подталкивает, говорит, что уж больно странные, непонятные были эти ожоги на теле Пети. Неясного происхождения. Просил дозволения снова прийти с расспросами.

– Вот, стало быть, как… – протянул Викентий Илларионович и сел в постели.

– Что вы, что вы! – всполошилась жена. – Вам нельзя, вам надо лежать. Ради бога, ложитесь!

– Кого же он допрашивал? – Не обращая внимания на тревогу жены, Соболев спустил ноги с кровати.

– Всех, – придержала его за плечо, понимая, что ее слова и увещевания не играют для него никакой роли.

Викентий Илларионович похлопал жену по руке:

– Позови ко мне Лавра да прикажи подать одеться.

Супруги посмотрели друг другу в глаза. В этот миг между ними бушевал океан, хотя по поверхности едва пробегала мелкая рябь.

Глава 7

Лавр Когтищев, молодой человек двадцати девяти лет от роду, имел странную внешность, которая невольно привлекала взор. Он был высок, очень строен, подтянут и одевался на английский манер. Главная странность заключалась в том, что на его черепе совершенно отсутствовали волосы. Данная прискорбная особенность возникла еще в детстве, когда волосы, и без того жиденькие и слабенькие, очень быстро осыпались с его головы и более там не вырастали. Злые товарищи в гимназии смеялись над ним и прозвали Коленом или Коленкою. Когда он еще жил с родителями, то Василиса Илларионовна таскала его по бабкам и знахарям, да все без толку. Сглаз, порча силы неистребимой, таков был вердикт знатоков. Позже, уже в Петербурге, дядя тоже решил помочь ребенку, который отчаянно страдал, водил его к разным медицинским светилам, но результат оказался такой же плачевный. Тогда хитроумный дядя стал приучать племянника воспринимать себя таким, каков есть, и видеть в этом не порок, а особое преимущество, отличие от прочих. Лавр прислушался, потихоньку смирился и даже стал находить прелесть в своей вызывающей внешности. Со временем он водрузил на большой острый нос модные очки, выработал в себе манеру выставлять вперед подбородок и саркастически улыбаться. Теперь он уже казался интересным не только себе, но и окружающим. И прежнее уничижительное прозвище постепенно сменилось другим – Коготь. Лавр страдал от своей нелепой фамилии и страстно желал, чтобы обожаемый дядюшка, спасший его от серой и тягостной провинциальной жизни, одарил бы его и своей благородной фамилией. Но тут Викентий Илларионович оказался непреклонен. Грешно отрекаться от родительского имени, как бы ты ни относился к отцу или матери.

Лавр сидел на диване в маленькой комнатке, которая когда-то являлась его комнатой, в ту пору, когда еще не было в доме Серафимы и не родился злополучный Петька. Петя, Петя, Боже ты мой!

Лавр замотал головой, подскочил и нервно прошелся по скрипучим половицам. Он заметил на кладбище доктора и следователя, не укрылось от него и то, что те вроде бы разговаривали с горничной Соболевых. Черт знает что может наговорить эта дурочка. А собственно, чего бояться, вряд ли она видела… А если видела? Что тогда? Ведь и впрямь, все что угодно можно подумать. Надобно как-нибудь половчее выспросить у нее…

Перед глазами снова стояло лицо кузена, обезображенное болезнью, неузнаваемое. А ведь он был так хорош, так удивительно хорош! Впрочем, что удивительного, если его мать – женщина неземной красоты!

До сих пор Лавр помнил свое детское потрясение, которое он пережил, когда дядя Викентий однажды заявил ему:

– Лавр, дружок, хочу тебе сообщить, что у нас грядут большие перемены в доме. Я полагаю, что было бы нечестно держать тебя в неведении. Ты уже вполне большой мальчик и все прекрасно понимаешь. Так вот, – дядя на минуту замолк, племянник замер в тревожном ожидании, чувствуя всем своим естеством, что эти перемены ему ничего хорошего не сулят. – Как это ни удивительно, а это совершено удивительно для меня, я все-таки собрался жениться.

– Поздравляю, дядя Викентий, – пролепетал Лавр, который уже хорошо знал, где и что положено говорить.

– Да, да, жениться. Жена моя очень молода, ее все страшит и пугает. Она еще очень неопытна в жизни. И посему, как я полагаю, присутствие в доме незнакомого ей мальчика вызовет некоторые трудности.

– Я буду хорошо себя вести, тетечка будет довольна, только не отправляйте меня назад! – с надрывом вскричал мальчик, и слезы полились у него из глаз.

– Полно, полно! – остановил его Соболев. – Что еще за слезы! И с чего ты взял, что я хочу отправить тебя назад к твоим родителям? Нет уж, коли я взялся тебя воспитывать, я от своего слова не отступлю. Я намерен определить тебя в очень приличный и дорогой пансион, где ты будешь жить и учиться, а в воскресенье и на каникулы мы будем забирать тебя домой.

Лавр поник своей головой-коленкой. У Викентия сжалось сердце при виде этой тонкой шейки, худых плеч, вздрагивавших от сдавленных рыданий. Никогда, никогда нельзя обманывать дитя, подавать ему надежду, а потом вырывать из души с мясом! Соболев порывисто обнял мальчика и прижал к себе.

– Ты что, глупенький? Думаешь, я гоню тебя прочь? Не смей так плохо думать обо мне! Меж нами ничего не меняется, ровным счетом ничего! Я по-прежнему люблю тебя, мы с тобой большие друзья, просто ты немного поживешь отдельно! Пойми, Серафима Львовна должна привыкнуть ко мне, к дому, она такая пугливая. Ей-богу, ее не зря прозвали Серной! А потом все наладится. Мы все будем жить вместе, будем одной семьей!

Сказано – сделано. Лавра отправили в пансион. Он мучительно переживал свое изгнание из рая. А ведь жизнь в доме дяди действительно казалась ему райской после убогого бытия саратовского дома родителей. Дядя Викентий казался совершенством, божеством, носителем великих знаний, которыми он щедро делился с племянником. К дяде все относились с величайшим почтением, не то что к его ничтожному папаше! Племянник профессора Соболева – эти слова имели значение для товарищей в гимназии и учителей. Хотя и там он тотчас же снова стал Коленом, а позже Когтем.

В большой и уютной квартире профессора мальчику досталась маленькая комнатка, превратившаяся в мальчишеское царство. Соболев быстро заметил у племянника способности к рисунку, к художеству. Ему купили мольберт и краски, а позже в жизнь Лавра вошла фотография и сделалась его страстью. Дядя щедро финансировал все его увлечения и всячески поощрял. Так на Рождество мальчик получил из рук дяди роскошный подарок – деревянный складной фотоаппарат «Дружок» с настоящим цейсовским объективом, с которого начинали все поклонники фотографического дела. На книжных полках высились груды журналов «Фотограф», «Фотографическое обозрение», «Фотографический вестник», «Фотограф-любитель». Теперь вся его комната была уставлена коробками с магниевым порошком, фотопластинками, рулонами фотографической бумаги, стопками паспарту. Уже первые робкие опыты Лавра внушали Викентию Илларионовичу надежды на то, что на данном поприще он проявит себя ярко, как оно и подобает племяннику и воспитаннику профессора Соболева.

Между дядей и мальчиком возникла подлинная дружба, и вот теперь все это рушилось и ломалось, потому что появилась некая Серна, Серафима Львовна, которая, по-видимому, совершено завладела душой и умом дяди, потому что он вдруг стал сам на себя не похож.

Когда невеста дяди познакомилась с племянником будущего супруга, Лавр сразу понял, что не понравился тете. Ее испугала его лысина, его внимательные, недетские глаза. Все трое смущались и не знали, о чем говорить за чаем. Соболев был огорчен, он сразу приметил, что невесте мальчик не приглянулся, но он уповал на то, что со временем они все-таки станут друзьями. Но этого не случилось. В первое время Серафиме Львовне было не до племянника мужа, а потом появился Петя, который завладел всем ее существом. И тут уж Лавру совершенно не было места. Он понял, что теперь он – не единственный мальчик, которого дядя любит и пестует, о ком заботится и кем гордится. Появился маленький человек, который еще и кричать-то толком не умеет, а его уже все любят безумно, сюсюкают и тетешкают. Ему не надо бороться за любовь, зарабатывать ее, доказывать, какой ты хороший, послушный, талантливый. Лавр совсем сник, однажды ему даже пришла в голову дикая мысль – удушить младенца подушкой, да вовремя опомнился. Какой толк, ведь может родиться другой?

Оставался один путь – сделаться для маленького божества старшим братом, нежным и любящим, чтобы позволили остаться в семье.

Серафима Львовна не была злой или привередливой, как могло показаться. Нет, она действительно не понимала, как ей вести себя с этим странным мальчиком, который так хотел ей понравиться. Она чувствовала какую-то фальшь… Ей поначалу было совершенно невдомек, что она заняла место этого мальчика в сердце своего мужа. Это потом, когда оба повзрослели, она поняла, какой катастрофой стала для Лавра женитьба дяди-благодетеля.

Серафима долго искренне не понимала, отчего ребенок живет с дядей при живых родителях, почему нельзя его отправить обратно. Когда появился Петя, Лавру совсем не осталось уголка в дядиной душе и места в доме. Его все чаще оставляли в пансионе и не забирали домой. Петечка все болел и изводил родителей то бесконечными поносами, то кашлем, то сыпью по всему телу. Молодая мать совсем обезумела от бесконечных хворей драгоценного младенца. Поэтому, когда из пансиона пришла весть, что племянник профессора Соболева заболел, она не сильно обеспокоилась, полагая, что Лавр мальчик уже большой и скоро поправится. Однако Лавр расхворался не на шутку, его поместили в лазарет, где он больше страдал от одиночества и чувства заброшенности, чем от телесного недомогания. Викентий Илларионович навестил племянника и пришел в ужас от его вида. Профессор вернулся домой удрученным и принялся говорить с женой:

– Нынче, дорогая, я навестил Лаврушу. Знаешь, я очень тревожусь о нем. Он совсем, совсем плох. Доктор говорит, что при таком течении болезни для юношеского организма важны сочувствие и уход, чтобы родная душа была рядом и придавала ему силы. Признаться, мне стало совестно, что я совсем забросил его. Я подозреваю, что он и заболел-то от одиночества. Ведь он такой чувствительный мальчик! И вот что я подумал – я заберу его домой, и мы быстро поставим его на ноги. Никакая сиделка не заменит любви и тепла близких людей!

Соболев произнес все решительным тоном, он и не предполагал обсуждения с женой, считая ситуацию очевидной. Поэтому он страшно удивился, когда вместо ее ответа послышалось сначала сдавленное всхлипывание, а потом и вовсе рыдания. Серафима, сидевшая на диване с рукодельем, уткнулась в него лицом и плакала навзрыд.

– Боже милостивый, это еще что такое? – изумился супруг.

Сквозь слезы, глотая слова и мешая их с обидой, она попыталась рассказать ему, как она устала, как изнемогает в детской в бесконечных хлопотах и тревогах за Петю, который все хворает и хворает. Его плач, его понос, его судороги, его воспаленная кожа – все это повергает ее в отчаяние. Она не спит ночами и не может ничего делать, ни о чем думать, только о сыне. Разве он, отец, не замечает этого, не разделяет ее тревоги? И вот теперь, именно теперь в доме появится еще один больной мальчик, который тоже требует ухода и любви. Неужто у него нет матери, которая могла бы за ним присмотреть?

Викентий Илларионович задумался. И впрямь, он совсем забыл о сестре. Пожалуй, можно ее позвать и разрешить некоторое время побыть в его доме, пока племянник не поправится. Он решительно тряхнул головой и улыбнулся жене:

– Умница моя! Ты дала мне замечательный совет.

Прошло совсем немного времени, и в квартире раздался нетерпеливый звонок. Горничная поспешила открыть и позвала барыню. Серафима Львовна вышла в прихожую и замерла. У дверей стояла высокая худая женщина, по-деревенски замотанная в платок, с резкими чертами лица, которые казались смутно знакомыми.

Василиса Коггищева, золовка, догадалась Серафима. В душе повисло тревожное, неприятное чувство.

Глава 8

Лавр уже направился к дверям, но столкнулся там с камердинером дяди:

– Пожалуйте, Лавр Артемиевич, к барину, да поспешите. Просит!

Лавр поспешил. Когда он вошел к дяде, тетушки там уже не было, но ее недавнее присутствие угадывалось по витающему запаху духов и взволнованному виду профессора.

– Что, братец, похоронили мы нашего Петьку! – произнес Соболев каким-то деревянным голосом.

– Дядя! – Лавр устремился к Викентию Илларионовичу и обнял его. В этот миг он хотел сказать, что всегда будет рядом. Всегда преданный, всегда любящий и всегда готовый заменить потерянного сына. Но не сказал, потому что вдруг пронзила молнией ужасная мысль: а вдруг именно это и наведет профессора на подозрение, что он, племянник, и убил единственного сына, чтобы занять его место?

Лавр отстранился и осторожно заглянул в глаза дяди. Черный мрак ночи встретил его, бездна, морок. Лавр испугался.

– Ты говорил с полицейскими? – вдруг спросил Соболев.

Лавр замер и напрягся всем телом.

– Да, но мне нечего им сказать.

– Разумеется, разумеется, тебе нечего сказать, нечего скрывать. Но я прошу тебя, будь осторожен и деликатен. Думай, что говоришь. Я не позволю устраивать из семейной трагедии дешевую мелодраму на потеху скучающей публике!

– Конечно, дядя Викентий, конечно! – Дядя позволял племяннику дома называть его по имени.

– Видишь, как меня подкосило. Береги Серафиму, будь с ней повнимательнее, береги честь семьи! Будут говорить с тобой в полиции, иди, говори. Серафиму одну не пускай. Ходи с ней повсюду. Зою одну не оставляй. Бог знает, что напридумывает полиция. Им дай палец, откусят руку!

Из дома Соболевых Лавр вышел в большой тревоге, взял извозчика и направился к себе на квартиру. Въедливый полицейский не выходил у него из головы. Как всякий человек, занимающийся фотографией, Когтищев имел цепкий взгляд и был хорошим физиогномистом. Облик полицейского невольно привлек его внимание. Сердюков был высок ростом, под форменным сюртуком угадывались крепкие мускулы, хотя плечи казались непропорционально узкими, отчего сам он казался еще более высоким и худым, точно цапля. Схожесть с этой птицей усугублялась тем, что Сердюков имел совершенно белую кожу, светлые волосы, белесые брови и ресницы, которые терялись на этом, казалось, невыразительном лице. Крупный нос нависал точно клюв, придавая порой следователю угрюмое выражение. Однако и угрюмость, и невыразительность мгновенно исчезали, когда в глазах Сердюкова загоралась мысль. В первый раз Когтищев говорил со следователем недолго, но ему хватило времени, чтобы понять, что перед ним человек непростой, и он явно не удовлетворится поверхностной беседой. Мысль о неизбежности встречи вызывала у Лавра тянущее неприятное ощущение в желудке, мозг работал лихорадочно, сознание металось в поисках выхода из ловушки, в которую он загнал себя сам, в тот момент, когда увидел проявленные фотографии, ужаснулся и не показал их Соболеву, как поначалу собирался.

На следующий день после похорон кузена Петра Когтищев целый день провел в своей фотографической мастерской, возился с камерами, которых теперь было около десятка, снимками, фотографическими пластинками, что-то переставлял, протирал и все думал, думал, думал. Несколько раз подходил к железному ящику, запертому на ключ, где хранились наи-

более ценные работы, и стоял в нерешительности. Один раз он даже уже взялся за холодный металл и повернул ключ, и в этот момент постучали.

Когтищев, даже не оборачиваясь, не глядя на посетителя, уже знал, что это следователь Сердюков.

Полицейский вошел легким и быстрым шагом, снял шляпу и бросил вокруг цепкий взор.

– Дозволите войти?

– Прошу! – Когтищев поспешно отошел от заветного ящика и жестом пригласил гостя. – Я знал, что вы придете. – Он чуть помолчал, собрался с духом: – Я видел, как вы говорили на кладбище с горничной.

– Вот и славно, что вы сами взяли быка за рога. – Следователь оживленно кивнул, небрежно бросил шляпу и перчатки и свободно расположился на небольшом полосатом диване, на котором по обыкновению устраивались мимолетные подружки Лавра. – Вы облегчили мне задачу, Лавр Артемиевич, а то я прямо не знал, как и подступиться. Я полагаю, что мы будем говорить о странных, таинственных снимках, не так ли?

– Как вам будет угодно.

– Итак, что мы имеем? – Следователь развел руками. – Мы имеем несколько странных непонятных фотографических снимков, один из которых изображает тяжкие мучения вашего кузена, только что покинувшего мир иной. Второй снимок нам пока непонятен, и посему пока оставим его в стороне. Я правильно излагаю? Судя по всему, вы их никому не показывали, за исключением горничной, которая увидела их совершенно случайно.

– Глупая любопытная кошка! – не утерпел Когтищев. – Она вечно сует свой нос куда не следует, все вынюхивает и подслушивает, а потом разносит сплетни о своих хозяевах по всему городу!

– Помилуйте, где же взять иную прислугу! – почти дружески рассмеялся следователь. – Моя вон кухарка, хоть и глупа, и неграмотна, а тоже туда же. Со свиным рылом, да в калашный ряд. Иной раз и меня уму-разуму учить начинает или выговаривает о чем-нибудь. Да я не сержусь на нее… Однако же, любезный, одного я не пойму, хоть и ни черта не смыслю в фотографическом деле. Как могло возникнуть изображение события до того, как сие печальное событие произошло. Ведь горничная сказала мне и доктору, что она видела эти снимки задолго до болезни Петра Викентьевича? – И следователь, не мигая, уставился на собеседника. У Лавра по телу поползли мурашки.

– Можно взглянуть на это чудо?

Лавр на негнущихся ногах направился к железному шкафу, медленно, точно во сне, повернул ключ. Нехотя пошарил в глубине и вытащил плотный бумажный конверт. Так же медленно подошел к небольшому простому деревянному столу, заляпанному какой-то краской и еще невесть чем, и вытряхнул содержимое конверта. Два снимка выскользнули и улеглись изображением вниз, один на другом. Следователь быстро подскочил и подхватил их со стола, как ловкий картежник припрятанную карту.

На первом снимке он увидел ужасающую картину мучений покойного Петра Соболева, запечатленную столь ярко и четко, будто фотограф стоял у постели больного накануне смерти несчастного. Все страшные поражения кожи были видны совершенно ясно, при этом очевидно было, что человек на фотографии – несомненно, Петр Соболев.

При желании, вероятно, можно найти подходящего, похожего на Петра натурщика, приложить умение и загримировать его, подобрать свет особым образом. И готово! Но зачем? Положим, преступление задумывалось давно, существует некий дьявольский умысел, создается фотография якобы умирающего, а потом происходит и само убийство с мистическим подтекстом.

– Когда, вы говорите, сделали этот снимок? – Сердюков оторвался от созерцания умирающего Соболева и поднял голову.

– Видите ли, я не делал этого снимка, именно этого снимка, в том смысле, что на нем изображено. Я делал другие снимки Петра, а этот возник непонятным мне образом, – пробормотал Когтищев, понимая, что его слова кажутся полицейскому детским лепетом, и оттого смутился еще более, чем усугубил подозрительность Сердюкова, который так и буравил собеседника взором.

– Послушайте, Лавр Артемиевич, я, как человек верующий, полагаю, что разного рода изображения если сами собой и возникают, то являют собой чаще всего образ Божественный, или, по крайней мере, религиозный, становясь чудотворными иконами. Тут же я вижу нечто ужасное и совершенно лишенное чудесного богоносного смысла. Поэтому полагаю, что никакого чуда тут нет и быть не может, а есть только непонятный мне пока злой умысел. И чем больше я на это гляжу, тем больше убеждаюсь, что несчастный Петр Викентьевич был действительно убит, как доктор и подозревает!

– Ну, наконец-то! – воскликнул Лавр с деланым облегчением. – Слово сказано, и это слово – убийца! И убийца Пети – это я! Только объясните, объясните мне, недогадливому, зачем, зачем мне это понадобилось? – Он обхватил руками свою лысую голову и сильно сдавил ее. У него оказались очень красивые, длинные тонкие пальцы. Сердюков усмехнулся.

– Послушайте, если бы я обладал вашими талантами фотографического художника, я бы тотчас же запечатлел вас в этой чрезвычайно выразительной позе.

– Вольно вам насмехаться! Но ведь я действительно не могу понять, как получился этот снимок!

– Хорошо, допустим, вы не понимаете, как он получился. Но когда вы его обнаружили, что фотографировали до этого и где?

– Где? – спросил сам себя Лавр. – Где? – подумал, нахмурил лоб, который сложился неглубокими еще складками. – Где!

Он поднял палец, и лицо его на миг прояснилось.

– Я фотографировал Петьку, то есть Петра, в пустыне, в Египте. Недалеко от пирамид. Там же я сделал снимок Серафимы Львовны. А потом полез в саму пирамиду, полагая запечатлеть там неведомый мир фараонов. Да только помнится, что толком мне ничего снять там не удалось, освещения не хватило. Да, да, я припоминаю, что именно в такой последовательности все и было. Уже позже, в Петербурге, я стал проявлять и обнаружил эти снимки. Да так испугался, что не мог сообразить, стоит ли их показывать кому-либо. Но они будоражили мой ум, я не могу понять, как они получились, что это значит. Ведь я не видел перед собой подобной картины! И представьте мой ужас, когда я увидел умирающего Петю, покрытого точь-в-точь такими же язвами, как на фотографии, почти через год после того, как я сделал этот снимок! Я совершенно растерялся. Что же получается, будто я накликал на него эту напасть своими фотографиями! Но что же тогда значит милая и прекрасная Серафима, закопанная по самую голову в песок? Когда я думаю об этом, то холодею от ужаса.

– Послушайте, сударь! Оставим в стороне мистику. Опыт подсказывает мне, что любую мистику можно объяснить вполне реалистическим образом. Вы осматривали свой фотоаппарат, вы проверяли его?

– Да, разумеется, первым делом я осмотрел аппарат. Качественная вещь, сделан в мастерской господина Карпова, впрочем, вероятно, это имя вам мало что говорит. Изволите видеть, у меня прекрасные аппараты. – Когтищев сделал широкий жест в сторону своих сокровищ. – Апостоли, торговый дом Стеффен. Вот, взгляните, это именно тот, что побывал со мной в пирамиде. – Лавр указал следователю на один из аппаратов в своей мастерской. Тот лишь кивнул в ответ, мол, успеется. – Осмотрел я и пластинки, да все понапрасну, не обнаружил ничего странного.

– Значит, если я правильно понял, эти два кадра вами сделаны были до того, как вы посетили внутренность пирамиды. Кадры внутри пирамиды не получились, а последующие оказались самыми обычными и приличного качества.

– Именно так все и было, – уныло подтвердил фотограф.

– Тогда, следуя вашей логике, внутри пирамиды произошло нечто, что совершенно изменило изображение, верно?

Лавр обреченно кивнул.

– Изображение приняло странный, провидческий характер, не так ли? – Следователь подбирался к жертве, как кот к мыши. – Изображение изменилось, оно нарисовало будущее молодого Соболева, как если бы вы этого хотели. Оно неким таинственным образом отобразило ваши черные мысли относительного кузена. Осталось понять, что вы тогда думали о прекрасной и так нежно любимой тетушке?

Глава 9

Явление золовки недаром отозвалось в душе молодой госпожи Соболевой тяжелым чувством. Новый человек в доме всегда обуза для хозяйки, особенно если он чужой. А то, что новоявленная родственница, хоть и родная сестра мужа, а все же совершенно чужой человек, было ясно совершенно с первого мига ее пребывания в доме брата. Ведь недаром же Викентий Илларионович долгие годы не поддерживал с сестрой почти никаких отношений.

Гостье отвели комнату, где она расположилась с давно забытым комфортом. Пришлось пройтись по лавкам и магазинам, обновить гардероб, чтобы родная сестра самого профессора Соболева не выглядела чучелом. Приглашенный парикмахер изрядно потрудился над ее волосами. Теперь можно было без смущения явить миру забытую родственницу. Поначалу Василиса все время проводила в лазарете пансиона, а когда сын пошел на поправку, перевезла его на квартиру Соболевых и неотлучно находилась при нем. Мальчик скоро поправился и заметно повеселел. К тому времени его мать совершено освоилась в новом мире. Теперь надобно было устроить все так, чтобы сделаться нужной брату, чтобы он не отослал ее обратно в ненавистную провинциальную глушь к опостылевшему супругу.

– Любезный братец, бедная Серафимушка так устает с мальчиком, так устает! Уж на ней и лица нет! Позволь мне помогать ей по хозяйству, она ведь такая молоденькая, слабенькая! В доме столько дел! И кухарке приказать, и провизию выбрать, и прислугу приструнить, да мало ли чего! А я тут как тут!

Соболев пожал плечами, что означало немое согласие. И вот уже Василиса правит домом, у нее все ключи. Она и на кухне, и в бельевой, и в буфетной, прислуга трепещет и слушает ее пуще хозяйки.

Молодая барыня опомниться не успела, как обнаружила себя совершенно не у дел. Где бы она ни оказывалась, за что бы ни бралась, тут же рядом возникала Василиса с угодливой улыбкой:

– Полноте, дорогая! Стоит ли вам тратить на эдакие пустяки свое драгоценное время?

– Помилуйте, Василиса Илларионовна! Да на что же мне еще тратить время, как не на собственный дом да на свою семью? – как-то робко возразила Серафима.

– Да вовсе это не для вас! – резко оборвала ее золовка. – Вам надобно красоваться в гостиной и доставлять радость вашему мужу, моему брату-благодетелю.

– Да ведь я не кукла фарфоровая, чтобы сидеть в гостиной, как на витрине! – обиделась молодая женщина.

– Экая вы странная, ей-богу, – зашипела Василиса, – другая бы только и сидела перед зеркалом да кружила в нарядах, радуясь, что Господь наградил ее такой неземной красотой. Это же чудо, такая красота. Это беречь надо, хранить, а вы туда же, на кухню да по лавкам!

Василиса фыркнула, а Серафима испуганно сжалась и потупилась. В словах золовки она не услышала того доброго восхищения, какое привыкла слышать в устах супруга. Слова Василисы сочились неприкрытой завистью. Когда Когтищева только переступила порог дома Соболевых и увидела жену брата, то в первый миг была неприятно поражена ее молодостью и красотой. Вот угораздило Викентия жениться на такой фифе! И бывает же такое в жизни, вот просто так родиться с такими выразительными глубокими синими глазами. С такими нежными губами, густыми изогнутыми бровями, овальным подбородком с маленькой ямочкой у рта. А белые плечи и точеные руки, а роскошные густые русые волосы ниже лопаток! И все ей, ей одной!

Невольно госпожа Когтищева все это богатство сравнивала со своими достоинствами – длинный нос, маленькие запавшие глаза, редкие тусклые волосы, впалая грудь, плечи прямые, точно палки, без притягательной округлости, словом, глазу не на чем остановиться. И самое

обидное, что Василиса такой была всегда, даже прелесть и свежесть юности не спасала ее в молодые годы. Оттого, уже будучи молоденькой девушкой, она знала свое место в хороводе невест, и будь она краше, не стала бы носиться с идеями мирового переустройства да водиться с нигилистами. Ведь кто стремится мир сломать да возвести из обломков новый? Тот, кого Создатель чем-нибудь обделил. Вот и неймется подобным существам на белом свете, не желают они примириться со своей судьбой. Пусть все рухнет, глядишь, в этой кутерьме и мое счастье взойдет, как цветок на заре. Потому-то и появился в жизни Василисы Когтищев с его нетерпением и революционным жаром. Добропорядочные и совершенно благополучные, скучные до невозможности друзья брата даже и не смотрели в ту пору на неказистую сестрицу Викентия Соболева. А уж когда она стала женой Когтищева, так и брат презрительно отвернулся от нее и забыл о ее ничтожном существовании. А в чем, в чем она провинилась? Помнится, однажды пристала к брату, мол, сыщи жениха среди своих товарищей. «Свахой меня сделать хочешь? Так не будет этого позорища никогда!» – Викентий так страшно тогда закричал на сестру, что и сейчас, вспоминая тот разговор, она невольно вздрагивала.

В молодости Соболева злило, что Василиса не может понравиться приличному человеку, хотя на язык бойкая и характер верткий. В неудачах сестры он невольно видел и свои неудачи. Ведь его собственные отношения с женщинами в ту пору носили совершенно мучительный характер. А тут еще сестра, которую никто замуж не берет. Одинокий мужчина – нехорошо, конечно, но не смертельно, а вот незамужняя девица – совсем дурно, неловко, стыдно. Поэтому, когда Когтищев обнаружил свои матримониальные планы, Викентий испытал двойственные чувства. Уж больно убогим оказался жених сестры, до неприличия убогим, и, прости Господи, еще и нигилист! А это просто опасно для порядочных людей!

Соболев не удержался и выразил свое отношение в новому родственнику в самых резких выражениях. Василиса взъярилась и хлопнула дверью. Тогда их пути разошлись надолго. Но Викентий остался с чувством неизгладимой вины. Он долго мучился вопросом, мог ли он воспрепятствовать этому браку? Что проку в том, когда б сестра осталась при нем старой девой? Но на эти вопросы он не находил ответа. Поэтому, когда она вдруг неожиданно привезла сына Лавра и бросилась к его ногам, умоляя принять его на воспитание, в этом Викентий увидел возможность загладить свою вину, которая грызла его все эти годы.

Очень это было для нее унизительно, брат принял ее холодно, надменно, точно они не родные. Но Лавра взял и постепенно прикипел к нему душой. Мальчик изредка писал матери скупые письма, из которых она жадно черпала сведения о событиях, происходивших в петербургском доме брата. Только из этих писем она и узнала о том, что Викентий женился, а потом и о рождении племянника Пети. Пока брат оставался холост, в душе Василисы грелась неясная надежда, что через сына она сможет проникнуть в утраченную ею жизнь. Стоит только Лавруше покрепче привязать к себе дядю. Но с женитьбой последнего ее планы рухнули. И лишь когда Лавр заболел, Василиса решила, что ни за что своего не упустит, махнула рукой на мужа, на покосившийся домишко и помчалась в столицу. А муж? Что с ним сделается? За ним полиция приглядывает!

Ей не составило труда, как показалось на первый взгляд, быстро укрепиться в роли домоправительницы и совершенно завладеть положением. Удача вскружила Василисе голову. Юная невестка оказалась совершенно безобидным и жалким противником, которого она победила без особых хлопот.

Горничная Соболевых несколько раз видела, как новая родственница жадно подсматривает за хозяйкой дома: то ненароком войдет к ней в спальню, то в чуть приоткрытую дверь сунет свой нос.

– Барыня, голубушка, вы сглазу не боитесь? – однажды спросила девушка Серафиму Львовну, расчесывая ее волосы.

– Кто же его не боится, Луша! Боюсь!

– Вот и я говорю! – с жаром продолжала горничная. – А у ентой, Василиски, глаз нехороший. Злой! Она на вас так смотрит, так смотрит, будь ее воля, наверное, пронзила бы глазами-то!

– Да? Ты тоже заметила? – Серафима невольно повернулась к девушке. – Вот, а я все думала, будто мне мерещится, будто я возвожу на нее напраслину!

Жизнь в доме мужа стала для Серафимы тягостной. Она и без того чувствовала себя не совсем хозяйкой, не совсем женой, была полна неуверенности и страхов. А теперь и вовсе затосковала. Как-то, собравшись с духом, она попыталась донести до супруга свои страхи и страдания. Но он нашел их пустыми. А что до Василисы, то на сей счет профессор оказался даже доволен, искренне полагая, что сестра действительно помогает молодой и неопытной жене по хозяйству. Он не видел между женщинами раздора и считал, что все совершенно счастливы и довольны.

Однажды профессор получил приглашение в Москву выступить со своими лекциями. Соболеву было лестно, он нередко получал такие приглашения, его знания, его статьи, его лекции, его книги вызывали у коллег восторг и зависть. Он был совершеннейшим кумиром в глазах молодежи, студенты ловили каждое его слово, на его лекции приходили слушатели других факультетов.

Викентий Илларионович сообщил жене о грядущей поездке. Разумеется, ее он с собой взять не может, так как Петя снова куксится и, видимо, вот-вот снова разболеется. Серафима поникла головой, ей так хотелось посмотреть на Москву! Она так устала от ненавистных стен детской и постоянного плача сына!

Ее печаль усилилась, когда она узнала, что Викентий берет с собой Василису и Лавра. Василиса смогла убедить брата, что будет замечательно навестить втроем своих московских родственников, которых уже сто лет никто не видел, и неизвестно, живы ли они. Соболев понимал, что жена наверняка расстроится, разобидится, и даже ожидал слез. Однако, к его удивлению, она промолчала, посмотрела на него странным, незнакомым ему взглядом, и что-то непонятное мелькнуло в ее глазах. Он увидел перемену, но не придал этому значения.

Потом Викентий будет помнить этот взгляд всю жизнь, и когда он снова вспыхнет в ее прекрасных глазах, Соболев уже будет знать, что впереди его ждет буря, смерч, после которого останется только пустыня.

Глава 10

Сборы в Москву были долгими, шумными, бестолковыми. Прислуга бегала по дому, Василиса кричала и суетилась. Лавр тоже пребывал в радостном оживлении. Его веселье подкреплялось неосознанным ощущением победы над противником, торжеством, которое ни он, ни его мать не могли скрыть. В этой суматохе только молодая госпожа Соболева не принимала участия. Да в этом и не было надобности. Камердинер почистил и сложил вещи барина, книги и необходимые бумаги Соболев упаковал сам.

Накануне отъезда вечером за чаем Викентий Илларионович, видя, что жена его совершенно удручена, принялся ее утешать, полагая, что она расстроена близкой разлукой. Серафима не выдержала и, резко поднявшись из-за стола, вышла прочь, глотая слезы, хлынувшие по ее прекрасному лицу. Викентий проводил ее недоуменным взглядом и собрался было пойти следом утешить, как вдруг его остановили слова сестры:

– Полно, братец! Негоже вам за ней бегать, словно она дитя малое и капризное! Ей-богу, точно Петя! Да только я полагаю, что слезы эти просохнут, как только мы отъедем. Быстро найдется утешитель. Неужто в ее-то годы взаперти сидеть и слезы точить о муже, который на двадцать лет старше!

Василиса шумно отпила горячего чая из блюдечка и с удовлетворением наблюдала за остолбеневшим Викентием. Она давно сомневалась в непорочности и благопристойности Серафимы. Нет, такого не может быть! Не может среди обычных людей жить само совершенство, стало быть, ее пороки просто скрыты от посторонних. Муж, конечно, как это всегда бывает, ничего не видит у себя под носом. Да и когда ему? Он весь в науке, постоянно в университете. Вот она, Василиса, и принялась присматривать за невесткой. И так как ничего не обнаружила, то еще больше укрепилась в своих подозрениях о глубоко скрытой порочности Серафимы. Но как сказать брату, коли ничего нет? Отъезд в Москву пришелся как нельзя удачно. Ведь молодая женщина оставалась совершенно одна, предоставленная сама себе!

Викентию стало душно, и он поспешно расстегнул ворот. Он ли не думал об этом, он ли не боялся! Да, жена никогда, никогда не давала ему повода. Но ведь такие вещи обычно падают как снег на голову! Ох, нет! Зачем, зачем он так плохо думает о своей бедной девочке! Она такая чистая, наивная, доверчивая, нежная. Пугливая трепетная Серна! Нет, плоский ум сестры не допускает иного развития событий, как банальная гадкая измена. Он же будет выше низменных подозрений и не позволит Василисе сомневаться в чистоте своей жены.

– Вот что, Вася, – таким было домашнее имя сестры, – оставь-ка ты подобные разговоры. Мне они противны и неприличны. И сделай милость, не вздумай говорить подобные вещи Серафиме!

Сказано это было таким суровым тоном, что Василиса обмерла. Уж не погонит ли вон?

– Что ты, что ты, Викеша! – всполошилась она. – Да разве я серьезно! Господь с тобой, пошутила я, да видать неудачно! Прости Христа ради!

Викентий не ответил. А Василиса поняла, что переступила черту. Но при этом она поняла со всей очевидностью, что посеянные ею ядовитые семена сомнения, подозрительности и тревоги дали моментальные всходы.

И уж чего не ожидали брат и сестра, так это того, что бедная Серафима услышит их разговор. Она поднялась из-за стола и вышла, чтобы унять слезы, прошла несколько шагов по коридору и усилием воли заставила себя не плакать. Надо вернуться за стол, надо взять себя в руки и не раздражать мужа. Ведь она и так последнее время все в слезах, все в тоске. Кто вытерпит такое! Вот и не хочет он брать ее с собой. Нет, надо успокоиться и вернуться назад.

Она решительно развернулась, прошла по коридору к дверям столовой и уже почти дошла до двери, когда услышала разговор мужа и золовки. С поникшей головой, но на сей раз без слез, Серафима пошла прочь и заперлась в своей спальне.

На другой день поутру путешественники стояли у крытого экипажа у крыльца дома. Серафима вышла на крыльцо проводить мужа. Поверх домашнего платья она накинула шубку, но голова оставалась непокрытой. На мягкие пышные волосы, убранные, несмотря на раннее утро, как всегда аккуратно и с изяществом, плавно опускались снежинки. Викентий погладил ее по щеке, провел ладонью по волосам.

– Ну, жена, не шали тут одна без меня! – пошутил Соболев и почувствовал, как она вздрогнула от его, как казалось, невинной шутки.

Так что же, неужто Василиса угадала? Викентий непроизвольно оглянулся на сестру у экипажа. Та поймала его встревоженный взгляд и тотчас замерла в готовности. Мол, только прикажи. Я не поеду и денно и нощно стану стеречь семейную честь! Викентий подавил в себе невольное желание тотчас же остаться или и впрямь оставить сестру соглядатаем. Профессор поцеловал жену:

– Ступай. А то холодно, не дай бог, простынешь.

Она быстро пошёа наверх по ступеням, швейцар захлопнул дверь. Соболев стоял на тротуаре и ждал, что она обернется, улыбнется на прощание, помашет рукой или пошлет воздушный поцелуй. Нет, даже не оглянулась.

Соболев уселся в экипаж с тяжелым чувством. Почему жена не оглянулась? Почему так холодно простилась? Неужели она и в самом деле задумала дурное? Почему так грустна, так подавлена в последнее время. Что не ладится меж ними?

Не ладится! Вот подлинное слово! И верно, не ладится, а он не замечает, не понимает, что она страдает. А отчего Серафима страдает? Что кроется в этой изящной головке, какие мысли бродят? И тут Соболев с изумлением понял, что в последнее время вообще толком ни о чем серьезном с женой и не заговаривал, что он вообще серьезно с ней ни о чем не говорил никогда. Разве что один раз, когда сделал предложение, да и то ответ дали родители невесты…

Краска стыда поползла по лицу Соболева, когда он стал вспоминать свои опыты по воспитанию жены. Ах ты Боже мой! Как же он был слеп и глух! Почему слепое обожание и страсть так быстро уступили место менторскому тону дурного воспитателя? Уж не потому ли, милый друг, что все твои прежние страхи, с которыми ты жил все прежние годы, разом заговорили в тебе. Все твои прежние любовные неудачи и разочарования зашевелились в душе, словно многоголовый змей. И их мерзкое шипение заглушило голос подлинных чувств.

Соболев откинулся на подушки сиденья. Скоро и вокзал, а там и поезд на Москву. Бледное лицо профессора и плотно сжатые губы не на шутку испугали Василису. Поначалу они с Лавром весело болтали, потом притихли и со страхом посматривали на Викентия, который все больше погружался в мрачные размышления.

В какой-то миг он даже приказал остановиться и решил было повернуть назад. Несколько минут он сидел молча и смотрел в окно, раздумывая. Его спутники замерли, не шевелясь и не дыша. Наконец Соболев тяжко вздохнул:

– Трогай! – И лошадь резво побежала вперед. А там уже виднелся Николаевский вокзал, слышались удары колокола и гудки паровозов.

В Москве его принимали с восторгом. Но ни успех, ни бесконечные приглашения от московских знакомых и родственников не могли унять его тревоги. Он послал жене телеграмму, но не получил ответа, и это обстоятельство повергло Викентия в совершенное уныние. Он решил, что не останется дольше, наскоро завершил курс и, сославшись на недомогание, спешно отъехал.

По мере того как он приближался к дому, его тревога росла. А вместе с ней и чувство свершившейся катастрофы. Когда он распахнул дверь в дом, да так быстро, что даже опередил швейцара, тишина показалась ему подозрительной.

– Барыня где? Серафима Львовна?

– Уехали-с, – последовал ответ.

– Так, – Соболев почувствовал странное удовлетворение оттого, что его опасения полностью оправдываются. – А Петя?

– С ними-с, – швейцар поклонился.

– Куда же они отправились, черт побери! – уже не в силах сдержать себя закричал профессор.

– Не могу знать, батюшка. Не говорили-с, – швейцар поклонился еще ниже, полагая, что теперь его барин точно ударит, уж больно злы-с.

– Лушка где? Где Лушка? Она, поди, знает, куда барыня уехала?

– И Лушка с ними-с, – выдохнул швейцар.

Соболев взлетел по лестнице. Ворвался в спальню жены, распахнул гардероб. Да что тут поймешь, в этом бабьем царстве шелка и кружев! Метнулся к огромному зеркалу, на котором красовались шкатулочки с драгоценностями, поспешно открыл одну за другой. Камни подмигнули ему заговорщически, насмешливо. Вот, нас не взяли, нами пренебрегли, стало быть, есть и другие, более драгоценные экземпляры! Соболев застонал и присел на край кровати. Но запах жены, ее духов, ее кожи оказался теперь невыносим. Он встал и, шатаясь, побрел в детскую, но и там его встретила та же пустота. Только забытый плюшевый медвежонок валялся на полу. Соболев поднял его и, прижав к лицу, зарыдал.

Глава 11

Жуткие и таинственные фотографии, сделанные Когтищевым, не шли у Сердюкова из головы. Нет, братец, шутишь, не может такого быть, чтобы сначала изображение, а потом само событие, да еще так ярко и так страшно! Что-то тут не то, да только что? Да и сам Лавр Когтищев производит странное впечатление. Его, несомненно, можно назвать и изысканным, и элегантным. Как ни удивительно, но совершенно голый череп в соседстве с тонкой оправой золотых очков и сильно выдвинутой вперед челюстью делают его даже очень интересным, особенно для тех дам, которые не любят тривиальности и однообразия. Добавить мягкие складки модного костюма, яркий галстук и трость с серебряным набалдашником – неотразимый шик! Но что же, что, точно соринка в глазу, мешает любоваться молодым человеком? Что в нем такое, отталкивающее?

Оставим-ка мы пока этого Когтищева в сторонке да навестим другого молодого человека, тот вроде как поразумней да попроще.

И, приняв такое решение, следователь направился на квартиру к Егору Федоровичу Аристову, шурину безвременно погибшего Петра Соболева.

– Разве мы условились о вашем визите? – изумился Аристов, когда следователь вошел в гостиную вслед за долговязым слугой.

– Сударь, прошу извинить мою неделикатность, – Сердюков поклонился. – Уверяю вас, господин Аристов, что мое непрошеное вторжение в ваш дом объясняется только одним обстоятельством. А именно желанием как можно быстрее установить ясность касательно смерти вашего молодого родственника. Как я полагаю, и вдова, то есть ваша сестра, Зоя Федоровна, и мать покойного, и его отец находятся в таком плачевном состоянии души и тела, что вряд ли с ними возможно говорить. Но медлить нельзя, и посему я стараюсь, поелику это возможно, выяснять все обстоятельства у других членов семьи, которые, конечно же, удручены потерей, но все же могут говорить с полицией.

Сердюков еще раз почтительно поклонился, не забывая при этом внимательным и острым взглядом изучать хозяина и его жилище. Большая комната выглядела необычно. Стены, задрапированные темной коричневой тканью, были украшены картинами неизвестных Сердюкову художников. Все они изображали либо батальные сцены из древних времен, либо сцены охоты. Меж картинами располагались сабли и рапиры, ножи, пистолеты, ружья. Далее виднелись охотничий рог, шкуры убитых зверей, головы кабана и лося, а в довершение всего этого великолепия на полу распростерлась шкура леопарда с искусно выделанной мордой зверя.

Сам хозяин, в просторном домашнем платье и с трубкой в зубах, восседал в покойном кресле, которое с трудом вмещало его крепкое широкое тело. Массивные плечи и шея, крупная голова с коротко остриженными густыми волосами делали Аристова старше своих лет, а Сердюков к тому времени знал, что они с Когтищевым почти одногодки. Егор сверлил гостя внимательным и тяжелым взглядом.

– А разве у полиции возникли сомнения относительно Петиной смерти? – Аристов затянулся и выпустил дым из носа и рта одновременно.

– Увы, смерть Петра Викентьевича с самого начала вызывала у докторов сомнения, вернее, причина смерти. Собственно, эти сомнения и заставили доктора, призванного к больному еще там, на даче, в первые дни болезни, сообщить в полицию о своих подозрениях. Странная болезнь, непонятная. – Сердюков аккуратно пересек комнату, стараясь не наступить на леопарда. – Вы позволите?

Получив утвердительный кивок головы, Сердюков расположился в соседнем кресле. Для него, узкоплечего и худого, оно показалось огромным, он точно утонул в его мягких лапах.

Напротив вместе с хозяином его сверлили стеклянными глазами лось и кабан, их рога и клыки выглядели не очень дружелюбно.

– Ваши трофеи? – следователь кивнул на чучела и шкуры.

– Мои, – последовал короткий ответ. – Но вы ведь не об охоте изволите спрашивать?

– Напрасно вы так думаете. Иногда разгадка находится в совершенно неожиданных местах. – Следователь улыбнулся, пытаясь растопить лед недоверчивости хозяина. – Обычно причины семейных драм кроются внутри, в глубине отношений, которые окружающим иногда совершенно неизвестны. Поэтому если бы вы немного рассказали мне о вашем семействе, то есть об Аристовых и Соболевых, то, вероятно, это облегчило бы мне задачу.

– Чудно, ей-богу! – Егор сердито сдвинул брови. – Вы и впрямь полагаете, что его убили? И собираетесь искать убийцу среди ближайших родственников Петра? Среди людей, которые любили и боготворили друг друга? Помилуйте, зачем? Зачем убивать молодого человека, который ничего плохого никому не сделал, да и не мог сделать по причине своей… – Егор запнулся, так как понял, что зашел слишком далеко. Сердюков чуть не подпрыгнул.

– По причине своей беспечности, бесполезности?… – попытался он подсказать собеседнику.

– Я не хочу говорить ничего плохого о покойном, – последовал угрюмый ответ.

– Вы не желали этого брака для Зои Федоровны, ведь так? – тихонько начал плести свою паутину Сердюков.

– Что с того? Зоя как безумная сделалась от любви. Да и Соболевы были не очень рады раннему браку сына. Но что поделаешь?

Аристов снова закурил и замолчал.

– Сестра для вас… – начал Сердюков.

– Свет в окне, – чуть улыбнулся собеседник.

– Вы, судя по всему, ее опекун?

– Да, наши родители рано оставили нас в одиночестве. Правда, я к тому времени уже был взрослым человеком, но все равно перенес смерть матушки с трудом. Отца мы потеряли еще раньше. Но еще труднее было то, что мне пришлось взвалить на себя бремя опекунства и воспитания младшей сестры.

– Да, нелегко, видно, быть воспитателем юной барышни, – заметил полицейский с сочувствием.

– Вот-вот, – оживился Егор Федорович. – Представьте, сударь, я только-только вырвался на свободу из-под родительской опеки. Вокруг столько радостей жизни. Но вместо развлечений приходится самому стать строгим родителем для совершенно необузданного юного существа. К слову сказать, последние годы матушка позволила мне жить отдельно. Поэтому в родительский дом я захаживал нечасто, о чем теперь с прискорбием вспоминаю. И сестра моя Зоя росла без меня. То есть я появлялся только для того, чтобы в очередной раз потакать ее детским прихотям и капризам. Матушка журила меня, да все без толку. И вот когда ее не стало, забота о сестре стала моею обязанностью. Я наивно полагал, что наше общее горе и моя любовь к ней сделает ее совершенно ручной и послушной. И каково же было мое разочарование, когда мы с ней поссорились вскоре после похорон матери. Вы только подумайте, господин следователь, я, чуть больше двадцати годов, и девочка, которая еще не девушка, но уже и не ребенок. К тому же привыкшая, что я ей ни в чем не отказываю. Она желала вертеть мною по своему усмотрению, а я ждал ее послушания и покорности. В итоге пришлось прибегнуть к помощи гувернанток и компаньонок. Но все они скоро покидали нас по причине несносного характера воспитуемого дитяти. Сестре между тем сравнялось шестнадцать. Я опять же по наивности полагал, что это уже почти взрослый человек – потому что пришлось покупать наряды уже для взрослой барышни. Заказывать корсет и все такое прочее. Но опять же глупо ошибся. Она оставалась тем же взбалмошным ребенком. А тут эти ухажеры, как черти из табакерки. Да еще

ей захотелось выйти замуж. Я не на шутку испугался. Уж думал, что придется караулить сестру с ружьем по ночам.

– А чем вам не нравились претенденты? – осторожно поинтересовался Сердюков.

– Среди них не было достойного и серьезного человека. Между мной и сестрой вспыхивали страшные ссоры. Зоя не желала терпеть моей власти над ней. Мне казалось, что она меня возненавидела. Я пришел в совершенное отчаяние, но и она глубоко страдала. Однажды, рыдая, она пригрозила мне, что уйдет в монастырь. Я же посмеялся над нею, сказав, что сам возьму вожжи и отвезу ее. Зоя вспылила, и что вы думаете? Назавтра я повез ее в монастырь! Под Петербург, в Эн-ск. В пути я полагал, что она перестанет дурить и капризничать, а она, вероятно, думала, что я только пугаю ее. Однако когда тяжелая массивная дверь обители захлопнулась перед моим носом, я понял, что свершилось то, чего мы оба совершенно не желали. Одно утешало меня – Зоя не примет постриг. Во всяком случае, в ближайшее время. А побыть в тиши и благолепии ей не помешает.

– Да, – протянул Сердюков, – кто бы мог подумать, что так тяжело быть братом.

– Любящим братом, – уточнил Егор.

– А что же вы, вы сами, что предприняли потом?

– Уехал. Уехал в Африку.

– Поохотиться? – Сердюков выразительно кивнул на леопарда.

– В некотором роде. Видите ли, я всегда искал себя, но не находил для себя достойного поприща. Возможно, мне следовало стать военным. Да нет войны! Мне всегда хотелось приложить себя в деле торжества свободы и справедливости, да в Отечестве нашем очень трудно, видите ли, с торжеством свободы и справедливости. Тут либо в бомбисты иди, или в полицейские. Ни то, ни другое меня не прельщает.

– Эк вы нас, полицейских, уничижительно! Да вкупе с бомбистами! А случись что, караул кричите?

– Я полагаю, что в полиции разные люди служат, только не секрет, что общество наше не слишком ваш мундир жалует.

– Это верно, особливо среди молодежи теперь модно полицию критиковать и высмеивать. Но я не в обиде на вас. Будем считать, что это моя расплата за непрошеное вторжение в ваш дом, – и Сердюков чуть доброжелательно улыбнулся тонкими губами.

Аристов смотрел на него внимательно. Странный малый. Пожалуй, слишком, как это выразить, осмысленный, что ли. Нет в нем бутафорской бравады, этого омерзительного холуйства. Перед ним сидел, казалось бы, совершенно невзрачный человек, белобрысый и худой, но который своим выражением лица, своим тоном, располагающим и дружеским, вызывал доверие и желание говорить. Причем рассказать то, о чем никто никогда не спрашивал, в чем сам себе никогда не признавался.

– Так, стало быть, сударь, вы войну для себя сыскали, и не ближе, как в Африке? Дайте-ка я угадаю. – Сердюков потер лоб длинным пальцем, похожим на карандаш. – Уж не буров ли вы защищали, батенька? Война между бурами и англичанами!

Ответом ему были изумленные брови собеседника, которые поползли вверх.

– Угадал? – засмеялся Сердюков. – То-то же! Мы ведь тоже иногда и газетки почитываем.

– Да, вы угадали. Именно там, на юге Африки, я утолял свою жажду к справедливости и счастью.

– Насколько я могу судить, счастье для буров не задалось, но, вероятно, вашей вины тут нет.

– Вы правы. Это было геройство небольшого народа против великой империи, война за независимость, за право жить своей жизнью. Теперь я понимаю, что исход был предрешен. Но тогда… Тогда у меня голова шла кругом. Столько пришлось пережить! На исходе войны меня ранило, и довольно тяжело. Но я выкарабкался, и мне пришлось долго, через весь континент

возвращаться домой. Моих сил, да и денег хватило ровно до Каира. Там мне пришлось остановиться, чтобы прийти в себя и решить, как жить дальше. И тут произошло чудо. Каким-то странным, непостижимым образом меня нашло письмо сестры. Мы иногда писали друг другу. И наши письма постепенно стали очень нежными и добрыми. Сестра повзрослела, я изменился. И мы поняли, что теперь можем снова понимать и любить друг друга. Такими, какие мы есть. И что мы одни на белом свете, и нам надо держаться друг за друга. Вот тогда-то я и надумал искать в России семейство, которое совершает путешествие, чтобы с их помощью привезти Зою в Африку. Показать ей таинственный Древний Египет, пирамиды. А потом уехать в Европу или еще куда-нибудь. Жизнь путешественника казалась мне прекрасной идеей для такого неугомонного существа, как Зоя, да и родительское наследство позволяло рисовать подобные планы.

– И вы нашли Соболевых?

– Да, я нашел Соболевых. Зоя нашла Петра. А я…

Аристов снова замолк. До этого он казался даже оживленным, а теперь огонек в его глазах угас.

Сердюков еще пытался выяснять что-то. Но Егор замкнулся и совершенно ушел в себя. Странно, что он вообще начал этот разговор. Следователю ничего более не оставалось, как раскланяться. Уходя, он запнулся о леопарда и чуть не упал. Вслед ему ухмыльнулась клыкастая морда кабана.

Глава 12

Куда может деваться жена от мужа, который к тому же старше ее на двадцать лет? Любой человек сразу же скажет без запинки – сбежала с любовником, тут и думать нечего! Василиса могла торжествовать – ее подозрения насчет невестки полностью сбывались. Однако Викентий отказывался верить сестре. Само отсутствие жены еще не означало факта измены. Но куда она исчезла, почему не оставила письма, к тому же при ней Петя! Первым делом Соболев направился в дом тестя. Однако супруги Дудко не могли даже взять в толк, о чем говорит их зять, куда ушла, зачем? И не могла она просто так убежать из дома куда глаза глядят. Она девушка боязливая, рассудочная, да еще с ребенком на руках. К любовнику, с малышом? Курам на смех! Родня? Да вся в Малороссии, вряд ли она туда добралась. Куда еще ездили, где бывали? Да только на богомолье, по монастырям.

Соболев вернулся ни с чем, хотя мысль о любовнике теперь уже не казалась такой реальной. Но где, где может находиться добропорядочная молодая дама с маленьким мальчиком? Помилуйте, да где угодно! Разумеется, в полицию он не пойдет, и вообще никто не должен знать, что у него приключился такой домашний конфуз. Василисе строго-настрого запретили обсуждать происшествие с прислугой и соседями, не дай бог дойдет до университета, тогда конец безупречной репутации. Соболев не выходил из кабинета. Все думал, терзался. Потом решился и, выйдя на улицу, нанял стайку мальчишек-голодранцев, чтобы те выспрашивали извозчиков о даме красивой наружности с ребенком и горничной. И вот когда он уже почти отчаялся что-либо узнать, один из сорванцов вызнал-таки, что какая-то дама нанимала извозчика везти в Эн-ский монастырь. Ну конечно, ведь мадам Дудко что-то бормотала о богомолье.

Забрезжила слабая надежда, и Соболев, весь в лихорадочном волнении, собрался и устремился по пятам жены. Студенты, лекции, книги, выступления в научном обществе, все было брошено.

Монастырь встретил непрошеного гостя долгим колокольным звоном, возвещавшим конец заутрени. Заснеженные купола храма, крыши монастырских построек, едва протоптанные монашками и паломниками тропинки, деревья, белые и замерзшие, темные фигурки монахинь – все это сразу погрузило Соболева в странное, почти сонное состояние. Или сказывалось напряжение и бессонница последних дней? Он торопливо шел, и хруст снега отзывался в его голове таким громом, что зазвенело в ушах. А вокруг стояла блаженная тишина.

Немного поплутав по монастырскому хозяйству, профессор наконец добрался до кельи матери-настоятельницы. Невысокого роста женщина с добрым усталым лицом встретила его любезно. Послушница принесла самовар и бублики, что оказалось весьма кстати, ибо гость устал и продрог. Однако когда Соболев поведал настоятельнице о том, что ищет в монастыре свою жену и сына, лицо монахини сразу сделалось строгим и отрешенным.

– Вот что я вам скажу, батюшка, – произнесла она с расстановкой. – Хоть и сказано в Писании: «Жена да убоится мужа своего», да только мы должны понимать сие не как страх животный, а как уважение, почтение, а отсюда и трепет, подобный страху. Ведь жена тоже Творение Господа нашего. Так отчего же она живет не как человек, а как зверь, который боится, что его побьют палкой?

– Помилуйте, да неужели жена моя возвела на меня такую напраслину, что я ее бью? – вскричал обескураженный профессор.

– Так ведь ударить можно и словом, и взглядом. Да еще и больней будет, потому как слово душу ранит, а душевные раны долго болят и тяжко врачуются. – Настоятельница сложила маленькие аккуратные белые ручки на животе и посмотрела на посетителя, как доктор на безнадежного больного.

Соболев схватился за голову. При этом бублик, лежавший на краю стола, улетел в угол комнаты. Настоятельница долго смотрела вслед бублику и тихонько качала головой.

– Неужели, неужели она так говорила про меня? – ужасался Соболев.

– Не больно у нас и говорят о мирском-то, – укорила его настоятельница. – Супруга ваша по большей части плачет и молится. Один раз только я с ней и говорила, уж очень несчастной она мне показалась. Хотела утешить ее материнским словом. К тому же она тут у нас не впервой, помню ее еще совсем юной девушкой. С мамашей своей приезжали к иконе нашей чудотворной приложиться, щедро на храм жертвовали.

– Матушка, дозвольте и мне пожертвовать во славу господню вашему монастырю, только, ради бога, помогите мне, подскажите, что делать?

– Что делать, что делать? – Голос настоятельницы стал ворчливым. – Люби, люби и не терзай. Люби без огляда и грязь на чистом не малюй. Тебе Господь дал в жены эдакую красоту. И такую чистую, как родниковая вода, а ты всю эту воду мутишь! И Богу, Богу молись, пресвятой Деве-Богородице, чтобы просветила твой разум!

Получив добрый совет и разрешение остановиться в монастырской гостинице, Соболев направился в означенную келью в сопровождении монашки. Он шел и не видел дороги. Спроси его потом, как выйти обратно, он бы не ответил. Соболев шел и думал о том, как он встретится с Серафимой, какие найдет слова в свое оправдание. А в том, что виноват, что оказался самонадеянным глупцом, глухим и слепым, Викентий уже не сомневался. Весь вопрос в том, поверит ли она, сможет ли преодолеть накопившуюся обиду. Господи! Каким он был идиотом, каким жестоким и немилосердным мужем оказался для несчастной своей Серафимы! Только бы она услышала его, только бы позволила высказать ей свою любовь и поверила!

Наскоро переодевшись с дороги, он выскользнул из номера-кельи и прокрался вдоль дверей, надеясь услышать знакомые голоса. Его замысел оправдался, и в конце коридора он услышал плач сына и сердитый голос Луши. Профессор глубоко вздохнул, перекрестился и постучал.

– Луша, открой, должно быть принесли горячей воды. Да умой поскорее Петю, чумазый весь! – Голос Серафимы звучал с некоторым напряжением.

Дверь поспешно отворили, и Соболев быстро вошел, не оставляя горничной время на размышления?

– Ах! – только и пискнула девушка и едва успела отскочить – Викентий вошел в комнату широким хозяйским шагом. Пока он стоял за дверью, он уже тысячу раз нарисовал в своем воображении картину встречи, произнес про себя миллион нежных и ласковых слов. А войдя, почувствовал, что обида и раздражение вдруг вынырнули из глубин сознания и затопили всю душу. Серафима была в двух шагах и тоже, как горничная, ахнула. И это изумление повергло Соболева в еще большее раздражение. Профессор сунул в руки Луше бобровую шапку, перчатки и обернулся к жене:

– Неужели вам трудно было предупредить меня, что вы отъедете на богомолье? – произнес он, пытаясь сдержать свои дурные чувства, но это плохо у него получилось. Голос прозвучал скрипуче, и он сам себе показался отвратительным в этот момент. Соболев хотел улыбнуться, но получилась вымученная гримаса. На лице Серафимы выразилось изумление от его нежданного вторжения. – Отчего, отчего вы не сказали? Почему я должен искать вас по всей столице, как сумасшедший?! – Он повысил голос. Ее молчание выводило его из себя. Луша, предчувствуя семейную грозу, подхватила захныкавшего Петю и бросилась вон. Супруги остались одни. Серафима проводила сына взглядом.

– Вы меня искали? – искреннее подивилась жена. – А зачем я вам? Неужели вы заметили, что меня нет? Тогда, быть может, вы взяли себе за труд подумать, отчего меня нет, может быть, мне плохо, тягостно жить с вами и вашей гадкою сестрой? – Ее голос зазвучал звонко, высоко.

У Соболева поползли мурашки по спине. Он никогда не слышал такого голоса жены и вовсе не предполагал, что она осмелится говорить ему подобное.

– Серна! – Он сделал к ней навстречу маленький, робкий шаг. – Увы, я действительно не предполагал, что тебе так плохо со мной. Мне казалось, что я правильно поступаю по отношению к тебе, но я ошибался. Прости меня! – вырвалось из него затаенная боль. – Прости, Христа ради! Я действительно был слепым и глухим болваном. Прости!

Он хотел взять ее за руки, но она не далась и отступила назад, убрав руки за спину, точно он собирался насильно втащить ее обратно в семейную жизнь.

– Но почему? – спросил муж упавшим голосом. Ведь он сделал над собой чудовищные усилия, признал свое поражение, попросил прощения!

– Вы не любите меня, – едва прошептала Серафима. – Вы любите себя рядом со мной, но не меня.

Соболев стоял как громом пораженный. И это ее он пытался учить уму-разуму, в то время как она сама способна преподать ему урок!

– Милая моя, бесценная! Не гони меня прочь из своей жизни. Позволь мне любить тебя! Я очень, очень люблю тебя. Да только не умею это сказать и выразить. Да, да! И не смотри на меня с удивлением. Что толку, что я профессор и учу молодежь. Книжные премудрости – это иное знание. Душа моя, поверь, я не лгу, не рисуюсь перед тобой. Я и вправду как в скорлупке и не могу ее расколоть. Хочу любить и не умею! Господи, да поверь же мне!

Она стояла совершенно оторопелая от его признания. Соболев воспользовался ее замешательством и, широко шагнув, поймал в объятия. Так они застыли, прислушиваясь друг к другу.

Луша, наскоро похватав одежду Пети, накрутила на него все, что было под рукой. И теперь они все ходили по монастырскому двору, поглядывая на дверь гостиницы, скоро ли папаша соизволят выйти. А тот все не шел. Мальчик замерз, его нос и щечки покраснели от мороза. Да и сама Луша уже хотела в тепло, да поскорей горячего чаю выпить. А барин все не шел. Воротиться без разрешения девушка боялась. Что ж, хоть и стояли нынче заутреню, придется снова пойти в храм, авось там потеплее от печки, да от свечей, да света Божьего и Божественной любви.

Глава 13

Изгнание из рая было стремительным. Василиса получила телеграмму от брата и уставилась на нее в тоскливом недоумении. Но как она ее ни крутила, ни читала так и эдак, смысл выходил один: убираться восвояси и поскорее. Мысль о возвращении к опостылевшему супругу в провинциальную глушь навалилась на Василису как могильная плита. А ведь близится Рождество, а там и Новый год. У Лавра завтра каникулы начинаются, на улицах иллюминации и гулянья. Магазины и лавки полны кушаний и нарядов, разных разностей, от которых глаза разбегаются. Она уже и о елке позаботилась, дворник принесет на днях. В кладовке до сих пор еще живы игрушки из их с Викешей детства, которые она собиралась повесить на елку с Лавриком. И вот теперь, именно теперь ей приказано убираться вон!

Василиса с потерянным лицом вошла к сыну в комнату и молча подала ему телеграмму от дядюшки. Мальчик пробежал глазами строки и поник лысой головой. От этой поникшей головы у Василисы защемило сердце. А вскорости явился и Викентий. Василиса еще немного надеялась, что в дороге он передумает, но, увидев его лицо, поняла, что ее отъезд неизбежен.

– Здоровы ли Серафима Львовна и Петечка? – с заискиванием спросила сестра.

– Здоровы, здоровы. Следом скоро будут. А ты, стало быть, Вася, собирайся к мужу.

– Неужто ты меня гонишь, Викеша, братец! – В голосе сестры зазвучали слезы и горькая обида.

– Никто тебя не гонит. Да только негоже супруга так надолго оставлять одного. Езжай с Богом! Вон и Лавр тебя проводит, с отцом повидается. А то, поди, и не узнает родного отца!

И видя, как испугался племянник, поспешно добавил:

– Но только ненадолго, Лавр, ненадолго. Не опаздывай к началу занятий! Ты и без того много пропустил.

Подгоняемая многозначительными взглядами, Василиса собралась очень скоро. Ей и собирать-то было нечего. Взяла только то, в чем явилась к брату, и со скорбным выражением лица простилась с ним у крыльца. Проводив сестру с племянником, Викентий вернулся в комнату, которую она занимала, и с недоумением распахнул шкаф. Все наряды, которые они с женой купили для Василисы, остались висеть сиротливо. Соболев пожал плечами и приказал прислуге собрать все и послать вслед почтой.

Лавр поехал с матерью. Он не хотел ехать, боялся, что дядя не позволит ему вернуться. И в то же время ему было отчаянно жаль мать. Куда делось стыдливое пренебрежение, которое он испытывал к ней? Нахохлившаяся старая серая птица, угрюмая и подавленная, закутанная в потертый платок, она забилась в глубь коляски и старалась не смотреть на нарядную улицу, торопливых прохожих, которые спешили в свои дома, к семьям, к елке. Отчего-то елку ей было особенно жалко. Наверное, потому, что там осталось ее детство, ее погубленные мечты о счастье.

После блистательного Петербурга, роскошной профессорской квартиры с ванной, с начищенным паркетным полом, пуховой периной, льняными простынями, фарфоровой посудой на столе и прочими нюансами цивилизованной жизни возвращение в свое захолустье оказалось нестерпимым. Покосившийся домишко на окраине с прохудившейся крышей. Калитка на одной петле, которая висит так уже не первый год, вековая пыль на обшарпанной мебели. Крашеный облупившийся пол, шмыгающие под ногами бесцеремонные мыши. Лавр, уже отвыкший от родных пенат, поставил свой чемоданчик в передней и озирался с тоской. Навстречу вышел почти забытый человек, которого он знал как своего отца. Невысокий, худой, с одутловатым лицом и вздутым животом, заросший бородой, с длинными, как у сельского попа, волосами. Одет Когтищев-старший был в какой то бабий старый халат, подпоясанный кушаком от поношенного жениного платья.

– О-хо-хо! – воскликнул Когтищев. – Кого мы видим! Кто к нам пожаловал! Столичный житель собственной персоной! Узнаешь ли ты родного отца, голубь ты мой! А я вот тебя и не признал.

Лавр ловко увернулся от родительского лобызания. От папеньки невыносимо разило немытым телом, перегаром и чесноком. Василиса тоже не поспешила к мужу с приветствиями, а скоро проскользнула в дом. Мерзость запустения и бедности глядели на нее изо всех углов. Сын вошел следом и остановился в сомнении, куда ему приткнуться. Его здесь не ждали, ему не рады. Никаких чувств, кроме растущего омерзения и брезгливости к родительскому дому и полузабытому папаше, он не чувствовал.

Каникулы тянулись мучительно долго. Лавр считал каждый день и почти не выходил на улицу. Его прежние товарищи, узнав о его прибытии, позвали его гулять и играть, но тотчас же снова принялись дразнить лысым Коленом. При этом каждый успел позавидовать его гимназической шинели, сшитой из хорошего дорогого сукна, фуражке, ранцу, очкам в тонкой оправе. Через три дня очки были разбиты, шинель порвана на рукаве, а фуражку изрядно поваляли в грязном снегу. Чтоб не задавался!

Лавр маялся. На улице ему было невесело, а дома совсем невмоготу. Мать суетилась по дому, но делала все точно во сне. Лавр догадывался, о чем она думает, и это еще больше усугубляло его тоску. Он презирал и любил ее одновременно, но сам себе был гадок. Он хотел помочь ей, но все, к чему он притрагивался, вызывало у него тошнотворное отвращение. Дрянная пища, плохая постель с клопами, холодные, дурно пахнущие комнатки. Неужели он жил тут раньше? Неужели тут проходили его первые детские годы? Ах, скорей бы, скорее вернуться в Петербург, в свою милую чистенькую комнатку, к своим книжкам, краскам, нарядной одежде. Забыть родительские пенаты как страшный сон!

Жизнь Когтищева-старшего после возвращения семейства не изменилась совершенно. Да и как он мог размениваться на такие пустяки, как забота о домашних, если его предназначение – печься о судьбах человечества! Уже много лет, проживая затворником под надзором полиции, он принялся писать величайший труд, который, как ему казалось, должен указать путь страждущим к спасению и счастью. Иногда он переписывался с другими борцами, делился с ними своими идеями и получал поддержку и напутствия. Самым верным слушателем всегда была Василиса, но в какой-то момент Когтищев вдруг почувствовал, что жена более не верит в него. Нет, она никогда не говорила ему этого, ни в чем не укоряла, но это скользило в ее взглядах, интонациях, жестах. Махнет рукой, да так выразительно, что и говорить ничего не надо. Она по-прежнему слушала главы из его труда, но теперь ее замечания и советы носили скорее саркастический характер. Когтищев осерчал и стал называть жену Ксантиппой, по образу сварливой жены Сократа. То обстоятельство, что она стремительно, не сказав ему ни слова, увезла единственного сына на воспитание к брату в Петербург, окончательно разделило супругов.

Лишившись верного соратника и слушателя, Когтищев не пал духом. Теперь его постоянным собеседником стал околоточный, который заходил по долгу службы проведать находящегося под надзором полиции и частенько засиживался допоздна. Правда, употреблять заумные идеи Когтищева на трезвую голову он был не в состоянии. Поэтому идейные споры и проработка глав сопровождалась обильными возлияниями горячительных напитков.

После Рождества, которое в доме Когтищевых прошло скучно и бедно, ударили злые морозы. Дров, по обыкновению, не быёо. Стылые сырые комнаты спровоцировали у Лавра кашель и сильнейший насморк. Он лежал одетый в постели, натянув одеяло по глаза, и молил Бога только об одном – скорее, скорее ехать в Петербург к дяде. Но ни письма, ни телеграммы все не было, и Лавр начал с паническим ужасом подозревать, что уже и не будет никогда, будто дядя решил оставить свое богоугодное дело воспитания племянника и окончательно возвратить его родителям. К тому времени он уже был достаточно взрослым для того, чтобы ярко представить себе, как вернется домой прекрасная тетушка с ребеночком. Как дядя, совер-

шенно обезумевший от радости, что вновь их обрел и они помирились, будет весь поглощен женой и сыном. Куда уж тут соваться Лавру, ему там нет места. Не до него!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.